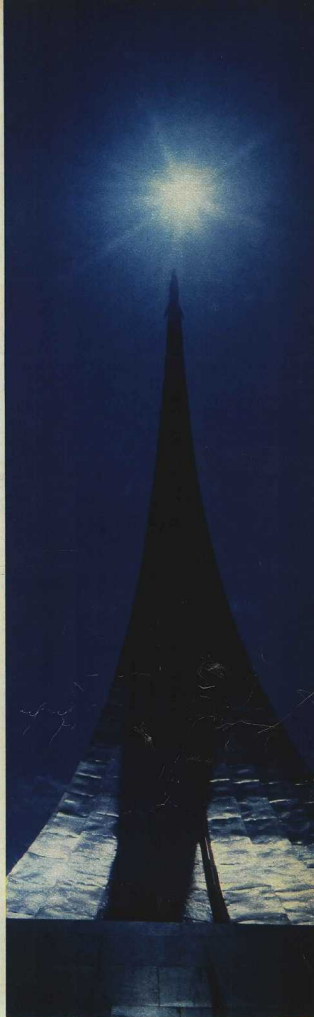

1941 И ВРАГУ НИКОГДА НЕ ДОБИТЬСЯ, ЧТОБ
СИДНИЛАСЬ ТВОЯ ГОЛОВА, ДОРОГАЯ
МОЯ СТОЛИЦА! ЗОЛОТАЯ МОЯ МОСКВА!

1971

№ 23 ДЕКАБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

Все дороги ведут в Надым

В начале июля билеты на самолет, улетающий из Москвы в Салехард, невозможно было достать даже с помощью корреспондентского удостоверения: все было продано на неделю вперед. Поэтому, экономя время, пришлось вопреки известному аэрофотоистому плану воспользоваться услугами железной дороги. Две суток поездом до Лыбчанки. Потом полтора часа на переполненном пассажирском «омике», старательно вымывавшем среди безбрежного разлива Оби и Полтавы скрытый пейзаж Фридриха, ведущий к пристам Салехарда. И все это для того, чтоб в салехардском аэропорту натолкнуться на очередную «пробку».

Зал ожидания сплошь зеленый от униформы студентов-строительцов. Небывалая теплыня (не верится, что город у Северного Полюса юрта) изобилует полными кофарами и мешками, и они когдаль в тесный пассажирский зал гонят больше народу, чем тот мог вместить по расчетам. И вот в эти тесноте и духоте полт, спорт, перекусы, бранчат на гитарах, строчат домой письма о прибытии в Заполярье, вкладывая между страничками на манер гербария северные сувениры — листики наринной березы и наросших коваров. Но главное — тут ждут: очередной плановой, авиационной, специальной, вообще любой онази в Надым.

Кажется, сегодня все самолеты летят отсюда в Надым, поселок, что потерялся километрами в пятистах к юго-востоку от Салехарда среди толпих болот севера Тюменской области, в том самом районе, который в последние годы потряс воображение специалистов небывалыми залежами природного газа. Теперь настала пора этому газу работать на человека.

Газовая столица с разных точек зрения

Но же такое Надым!

Прежде всего река, впадающая с юга в Обскую губу, как раз в том месте, где последняя, размахнувшись во всю свою ширь, сворачивает на север, к Карскому морю.

Надым — это еще и поселок на левобережье реки, от которой он получил свое имя. Если быть точным, то поселок стоит на берегу озера, и с речной водой соединяет четырнадцатая километровой отсыпанной по болотам автодорога. Мышешник летом ее ровняли, трамбовали, одевали бетонными плитами. Вода — главный путь, по которому в навигацию забрасывают все необходимые для предстоящего строительства грузы. Баржи из Тюмени, Новосибирска, Омска, Сургуты, Лыбчанки идут швца по Иртышу, Оби, Обской губе, потом поднимаются вверх по Надыму и причалом (это седьмого километра [как тут называют разгрузочную площадку не существующего пока надымского речного порта]). Дальше груз везают на свои плечи автомобили, и четырнадцатикилометровая бетонка станет последней частью в антропогенной «дороге жизни», которая питает весь необходимый будущую газовую столицу тюменского севера.

Приведу несколько цифр.

В Надыме 233 дня в году лежит снежный покров. Всего 94 безморозных

шлым летом часть барж так и не смогла пробиться вверх по реке дальше печально знаменитых Илывских песков, и многие грузы отменяются так уже второй год. В этом сезоне хотели навать речную перевозку как можно раньше, для чего в Лыбчанском порту грузы загода поделали поближе к воде. Но в паводок Обь поднималась гораздо выше нормы, затопив заготовленные для Надыма доборы. Добить его со дня реки, посмотреть, на что оно годится, сможет только после того, как вода сойдет. Но сойдет она не только в Обь, но и в Надыме, куда по мелководью уже не проберешься с крупнотоннажными поездами.

В общем, одно обстоятельство цепляется за другое, накручивая неразрешимую головоломку.

Но, несмотря ни на что, Надым будет построен. Потребности страны в дешевой топливе в предстоящие годы возрастут настолько, что без использования тюменских месторождений удовлетворить их будет невозможно.

За свою короткую [всего двадцать лет] историю Надым переживает второе рождение. После войны ему довелось стать одним из опорных пунктов при строительстве приполярной железной дороги, которой предстояло связать Обь с Енисеем. Дорожники шли сразу с востока и запада. До встречи ни оставалось не так уж много, когда строительство магистральной прервали. Западное плечо пути продолжалось еще километром на сто восточнее Надыма в сторону Пангоды. В трест «Севергострой», управление которого обособилось тут, мне показывали фотографии: железнодорожные мосты, паровозы, деревянные здания станций. Раз в неделю из Надыма в Москву ходил прямой пассажирский вагон. Военные предрады поезд преодолевал по временным мостам, летнюю Обь — на пароме, зимой по реке намороженным потоце лед и шпалы с рельсами прокладывали прямо по нему.

За восемнадцать лет бездействия создание титаническим трудом сооружение обещано. С самолета Дорога выглядит белой линией, проведенной по зелено-голубому; болотам и озерам так и не удалось поглотить песчаную насыпь. И только востоя на ней, начинаешь по-настоящему понимать, насколько неумолимы и вездесильны время и суровая северная природа: размытые паводками потоци, снежные мосты, гнившие шпалы, искорененные рывные рельсы. Практически дорогу строить придется заново. В необходимости ее почти никто не сомневается. Освоение уникальных по мощности газовых месторождений, их эксплуатация нуждаются в устойчивом постоянном и грузоподъемном транспорте. Вода и воздух обеспечить эти условия не в силах.

Медведево, Юбилейное, Уренгойская, Русское, Южно-Русское, Тазовское,

ЭКСПЕДИЦИЯ «СИБИРЬ»

ПЕРВЫЕ РЕЧНЫЕ СМЫСЛЫ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальный
корреспондент «Сибирь»

дня. С туманами и метелями — 43. Иной раз температура падает за минус пятьдесят. Продолжительность навигации по реке с 10 июня по 20 октября. Все цифры, разумеется, средние, выведенные в результате многолетних наблюдений, а потому год на год не приходится. В прошлый сезон, например, Надым стал второго октября, на 18 дней раньше «положенного» срока.

Я так подробно остановился на географии только потому, что это имеет самое непосредственное отношение ко всему последующему рассказу. Когда строить приходится на пустом месте, то имеет значение каждый день навигации: это лишние тонны груза. Имеет значение и направление течения реки, и ее капризы, и слагодные ее ложе пороки, и много-многое другое, что, помимо этого на специфические условия Севера, во много крат увеличивает трудности, которые и так хоть отбавляй.

Нинья Обь и Надым вскрываются примерно в одно время. Но попасть из реки в реку можно не раньше, чем очистится от льда Обская губа. А это драгоценные дни, вычеркнутые из навигационного времени. Летом Надым быстро теряет воду, обнякая постоянно колючие мелли и косы. Позапро-

Комсомольское, Заполярное — эти кладези газового топлива в перспективе могут давать до триллиона кубометров газа в год. Там же активнее работает практика не знает. Город Надым — первая опорная база на подступах к этим богатствам.

Правда, ближайшей его задачи более скромны. В первом квартале 1972 года должно быть завершено сооружение газопровода, который свяжет Медвежье месторождение с поселком Лаво-Березьей. Общ. трассой, что не первый год подает газ на Урал и в Центр. Но сама углубил Надым — Пунга — подлена. Чтоб пропустить на ней горячие, нужно обустроить пункты, пробурить скважины, соединить их трубопроводами, вынести газ к сборному пункту (П-2), где его будут обрабатывать и доводить до кондиции. Предельная длина за тысячу километров к потребителю. В 15 километрах от промыслов нужно построить створовой поселок Пангоды, где станут жить прибывшие из Надыма вахты работников и эксплуатационников. Ну, кроме того, выстроит Надым, где будут жить семьи газовойком. Озронов, строителей. В Надым и Пангоды нужно разместить промышленные, культурные, транспортные, вспомогательные объекты, склады, холодильники, хранилища, ремонтные цехи, проложить дороги и коммуникации — всего не перечислять. И все это не позже первого квартала будущего года, потому что во втором газ должен прийти к потребителю и заработать.

Задача, честно говоря, непосильная.

От старого [железнодорожного] Надыма осталось несколько деревянных домов и ветхий барак. В Пангоде их того меньше. Когда в октябре прошлого года вертолет выбрался тут первый раз стреной, местные мичурин и девятику-радиосту — из всех полуразвалившихся строений удалось оборудовать лишь одну комнату, куда поселились единой командой. Строить на пустом месте всегда трудно, в условиях северного бездорожья и сложной среды доставки трудности возрастают в десятки раз.

Надымское «Динамо»

а мой вопрос «Что самое тяжелое в работе?» один из руководителей надымской стройки сказал, почти не задумываясь:

«Самое трудное — постоянная взаимосвязь различных обстоятельств. Всякий раз тут приходится решать не одну какую-то проблему, а целый их комплекс, ну и, естественно, самому приходится переживать целый комплекс ощущений...»

Когда я попросил выразиться как-нибудь попроче и поосметливее, он привел в пример детскую игру в домино: ножи в длинный ряд ставят на пол, потом толкают одну фишку, она сбивает соседнюю, та — следующую, и так до конца...

Вот так и у нас... закончил свое объяснение мой собеседник.

Позже мне не раз приходилось убеждаться в точности этого сравнения. Пятнадцать километров что отделяют П-2 от Пангоды — болотистая лесоступа, где не проходит с грузом ни одна автомашина. Но именно тут в ближайшей ярмае пойдет основной [тысячи тонн] поток оборудования и материалов, необходимых при обустройстве промыслов. Автодорогу решено отсыпать по сплошной лежневке: для местных условий это единственно надежный способ. В июле лежневку стали харьковские студенты: топором валки чехлые лиственницы, подсаживали на себе столы к профилю, унаживали их в ложу будущей автодорожки. Низкая производительность труда была видна даже неспециалисту. [А ведь от дороги зависит срок сдачи всех объектов на промыслах]. Пытаюсь размотать эту цепочку.

Накануне так пополнилось, что фонды на трелевочные тракторы для надымской стройки выделены не были, хотя трелевочные ваку и предусматривались. Природа не любит пустоты, и создающиеся вакуумы решили заполнить подручными средствами. Главк Тюменнефтегазстрой выслал фонды на трелевочники у тюменских лесников, побещав поделиться дефицитными стройматериалами. В конце весны тракторы прямо с завода отравили, кружными путями в Вериуту, чтоб отсюда перебраться в Пангоды. Вериутские лесники отнеслись к просьбе газозвонков с пониманием — сработал обычный для Севера принцип взаимовыручки — и тщательно готовились к сложной перевозке. Но и социальное, тракторы пришли в Вериуту через два дня после того, как временно значимую площадку в Лаво-Березье развезло лесником, тельпилью. Тракторы снова погрузили на железнодорожные платформы, переправили в Лабитнянг, отуда, дождавшись лета, баржами в Надым. В июле я застал их на причале «107 километр», трелевочники готовили к разборке, чтоб по месту перебраться вертолетом дальше, к месту работы.

Итак, две крайние точки истории: студенты врутуют стволы бревна к лежневке, а всего в сотни километров отстает новейшая техника. Задержки со сдачи дороги, в свою очередь, будут сбивать с ног последующие связанные с нею иррипички в длинной цепочке этого своеобразного «доминио».

Я привел только один пример. В моей записной книжке их, разумеется, больше. Помельше, покрутнее. Но все, к сожалению, очень убедительно. Фишки в таком «доминио» [зависимость, что вне раз воспользоваться этими терминками] подуют не только в одном направлении. Их пути пересекаются, идут по кругу, спирали, бросаются вспять. Малейшая оплошность, просчет рождает лавину непредвиденных сложностей. На Севере нет запасного соседа, который может одолжить на время, обмянуть, уступить нужную машину, оборудование, оборудование. Если строение или оборудование, оборудование завезен сюда обязательно, в тумане его не найдешь, а обрушивающая сила недостающего гвоздя огромна.

Тут, как нигде в ином месте, убеждаешься в буквализме выражения: «время деньги». Угол зрения по делу, приходя к нему, работающая «лето-дорога» от Лабитнянки к Надым и дальше, на Пангоды. Грузов завели раз в десять меньше, чем планировали. Воздушный мост Надым—Пангоды, который летом поддерживался вертолетами, не только порывал нехватку в остром дефиците, но с завидной скоростью потрошил склад строительной. Можно было бы искать успешно в спасительной философии Бодендера то у нас общественно-технический, и если Мингазстрой перепалит Аэрофлоту, то это, по сути дела,

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 23 (1069)
ДЕКАБРЬ
1971

И ДА А ОБЛОЖКА:
Золотая юва Москва.

Фото Николая РАХИМОВА

РАССКАЗ О ПОХОДЕ БАЛАШИХИНСКИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ ПО МЕСТАМ БОВЕВ ЗА МОСКВУ. ЗДЕСЬ СТОЯЛ НАСМЕРТЬ ЧИТАТЕЛЬ НА СТРАНИЦЕ —

6

СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ.

Отрывок из документальной повести.

12

«ТВОЯ ПРОФЕССИЯ»: ШОФЕР.

16

«СИЛУЕТЫ»: НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ.

28

«СЛУШАЙТЕ КРАСНЫЕ ЦВЕТИ!» ЗАМЕТКИ О МОЛОДЕЖНОМ КОНГРЕССЕ СОЛИДАРНОСТИ В БРЕМЕНЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ: МИЛИТАРИЗМ

СТАКАН АММИАКА, РЕПОРТАЖ СО СТРОИТЕЛЬСТВА ЧЕРКАССКОГО ХИМКОМБИНАТА

МОЗИК-ХОЛЛ — ЭТО ВЕСЕЛО!

ОЧЕРК О ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЕ КИЕВСКОГО «ДИНАМО»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. Абышев, Г. П. Енисеев, А. П. Кувшинов, А. А. Лиховая [ответственный секретарь], В. В. Лукин [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рощинский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор М. З. Шалаева

Самое яркое воспоминание его жизни — курсы повышения квалификации бульдозеристов в Москве.

— Так таких преподавателей подбирали — любой вопрос задает — отвечай! И классы оборудованы по последнему слову техники. Мачеты, всеяные тачки, бульдозеры в разрезе, кино, диапозитивы цветные на уроках показывали. Причем не только кино, но и заграничные машины авиации...

— Свою профессию он знает и любит. Потому был непониманием его везучий отъезд. Я там больше удивился, когда он сказал, что к морозам снова вернется в Нардым. Спросил его, зачем сейчас уезжает.

— Не люблю я в ветер музу сеять... — сказал он. — Сейчас тут никто ни черта толком не разбирает. Организация труда — никаких. Мне фронт работы и планы ставить совсем несложно. А они делали пошлое. Мачетный перчаток, лыжную базу вот так строить. А зачем мне перчатки, зачем мне мачеты! Если работа будет, я так навалюсь за день, что ни рук, ни ног не подниму.

— Ну чего, — продолжал он чуть ли не со злорадством, — газ-то во втором квартале все равно надо дать. Он уже проналечетесь, а затем их прикметит. Завертает. И работа будет и сверхурочные. Вот тогда я и приеду. Тут, говорят, создадут СМУ, которому начнут варить газопровод. Трубуулидлинну у них назвали "дуду". Вот придут эти ребята. А они ведь не знают, как работать!

— Все у него было как-то наберены. Попытки руководителя ДСУ организовать доступ молодежи с помощью спортивных секций Анатолий расценил чуть ли не как выпад против его лица. К-то из тут даже парней бросил с койки, кто в Нардым толкал и кино не включил, кто его тут отпаривал: ехали сюда не фильмом смотреть — работать!

С одной стороны, он работая и отличный специалист. С другой — закоренелый клептуш. Он не хочет «дурных» денег и ценит только заработанные честным трудом. Но при этом требует создавать условия для такого производственного выхлопа. Не считая честный труд его средним, по сравнению с обычному рачеству. Видно, его остревшая приверженность работе была для организации палкой о двух конках. Да он может сесть заныть работать в самых невыносимых трудных условиях, но никто не знает заранее, когда его пожелают торчать в Нардым. Он органично понимал, что при нынешнем голоде на рабочие руки его квалификации и высокой разряд оставают за ним право выбора, что они придут и останутся его жизненной ладью, а какую бы бурно ловили, он все и направил. Отобленные про голод и в сторону! — было у него право, которое, если только подождет, вынесет к любой намеченной гавани.

— Так и бросает его по морю, по волнам, будто в бесконечном движении этого все чье жизни. А строя! Для него она — дело десятое. Столько их уже видано-перевидано.

От мечты к действительности

— Он больше знакомился с делом строительства в Нардым и Поголдах, тем больше убеждался, что работать старыми методами тут нельзя. Не те условия, не те температуры, не та оснащённость техникой. При нынешнем уровне требуется иная, чем прежде, организация труда и материально-техническое снабжение, иное отношение людей к волею строительству в целом и к своему личному участию в этом строительстве. Только в этом случае можно успешно преодолеть объективные трудности.

И всякий раз приходило возвращаться к идее комсомольско-молодежных трестов и управлений, производственных подразделений, впервое возникших здесь, на тюменской земле, подвигшихся за короткую свою жизнь к самостоятельности своего существования. Таким управлением в свое время был построен поселок Светлый. То, как он строился и как был построен, стало предметом исследования не только специалистов-строителей, но и политологов. Последнее уделение — в том, если не идеальный образец, то уж, во всяком случае, достойный подражания пример.

В прошлом году мне довелось беседовать с руководителем строительства в Светлом Анатолием Мандриченко, который после Светлого возглавлял вновь созданный комсомольско-молодежный трест «Свердловская область» комсомольско-молодежный трест — мечта и реальность. В частности, Мандриченко уже тогда говорил:

— Такое название треста (комсомольско-молодежный... Л. П.) своему программе на будущее, чем его восточнее. Пока что он не формирует, но содержание не является комсомольско-молодежным. Ему еще предстоит выработать статью. Сейчас же это — самовольное строительство производственного подразделения...
...
Что изменилось за год? Что реализовано из былых задумок и планов? Что нового на всеобщую удивляющую комсомольской стройке, какой является Нардым.

Ничего.

Трест по-прежнему обычная строительная организация, и если сравнить с тем управлением, что строило Светлый, то вернувшись замыслив регресс. Формально все в порядке. На официальных вывесках вседу подчинения, что трест и подчиненные ему управления комсомольско-молодежные. Даже в обычном разговоре никто не смеет: «СМУ-2в или, положим, «ДСУ-26», а обязательно: «КСМУ-2в», «КСДСУ-26», подчеркивая тем самым их комсомольско-молодежный статус.

Но этого вовсе не реальность. И даже не проширогающая мечта воплотить планы в конкретное дело. Точка, на которую жаловался еще Мандриченко, захлестнула стройку окончательно. Вместе с расширением фронта работ, объема капитальных вложений, роста коллективных взносов увеличивается и число «срочников», «не терпящих отлагательства», «самых горячих и прохиндей», которые отодвигали на десятый план все, что не имеет непосредственного отношения к газу, который надо дать в срок.

— Так и идея новой организации оказалась в разряде дел, которые могут повториться.

Виталий Мошковский, комсомор ДСУ-26 и бригадир комплексной бригады, рассказал мне, что из 40 работников из управления только 68 комсомольцев. Причем на учет они поставлены в наличном, а выразился Виталий: «столько только 48. Комсомольско-молодежное управление, в котором комсомолы четверть части! Причем тридцать процентов из них где-то растерялись, разбались, превратились в мертвые души.

В двух или трех смежных трестах, а также в управлении треста! Руководители ДСУ-26, сами наводя комсомольские активисты, прошедшие через студенческие строительные отряды, пытаются еще что-то сделать, чтоб жизнь их коллектива не ограничивалась только работой и производством. И даже пытаются устроить там что-то, чтоб живее было. У них тоже соглашаются с объективной необходимостью в этом вопросе к беруг на себя увагу за то, что вверена не помогли комсомолу. Но признать ошибку еще не означает исправить ее. Да к тому же, с каких это пор администрация должна организовывать комсомольскую работу! Не логичнее ли ей самой обратиться к комсомольцам за помощью.

— Что же такое комсомольско-молодежный трест сегодня! Реальность или спущенная на тормозах мечта! Я больше склоняюсь ко второму определению. Не стану категорично утверждать, что с самого начала у власти комсомольские работники, производящие беспорядок, но дав им право для дискусии. Но все-таки реализация ее была возможна и необходима. Опыт нардымской страны показывает, что не единой рабочей линией на Севере человек.

Газу нужны специалисты

— Иложение дел в Нардым давало немало фактов для критического выступления в адрес Министерства газовой промышленности СССР. Случай, когда по неадекватности или некомпетентности организации производных объектов, их снабжение, обеспечение технической документацией, можно было бы выписать в длинный-предлинный реестр. А в конце подвести итог и раздать всем свестрам по серьгам. И Мингазпрому в первую очередь.

— Делать этого не хочется, потому что было бы несправедливо. Все гораздо сложнее.

— Сначала несколько цифр. В 1970 году прирост строительно-монтажных работ по Министерству газовой промышленности составил 16,7 процента. При этом, по сравнению с предыдущим годом — прирост управления из того же министерства, ведущего строительство, не побегового роста.

Названные цифры — это не просто деньги, бетон, газовые трубы, сваривание. Это люди, новые производственные коллективы. Известно, что строительство — это не только искусство — создание нового коллектива. Из чего, что требуется два года, прежде чем вновь организованное СМУ начнет полноценным строительством. Тресту для этого нужен срок, явное большинство. Тюменские газостроители организационно переживают даже не отстроительство — алчественство. А работа азовалена на них под давлением учреждений. Пять рабочих, полтора десятка трестов, полсотни строительных управлений.

— Не лучше ли было бы не торопить события, подождать, пока все пригодится, обрест оптимизм! Нардым, лучше. Но, к сожалению, не получилось. Давать указания поставила перед здравствием страны небылые задачи. Чтобы выплывать предусмотренным планом металл, добыть и переработать нефть, построить машины, жалюзи площади, выжить тьму и обуть, изрядна из природного газа. Газ нужен, как воздух. И в каждом годом потребность в нем будет возрастать.

Проектов инициатив Мингазпрому должны выдвигать разные проекты для строительства: в ячеи вешней мерзлоты, и в районе Каратулка, и в долине непереспелой болот, и в районе Сытулукских, и в долине — один список они должны принимать пятидесятиградусные морозы, в другом — пятидесятиградусную жару. А специалистами не хватает, и объем работ превышает возможности проектных институтов. Часто и опята нет, и данных изысканий на месте строительства тоже нет.

— Давайте обратимся попогода тресту «Свердловская область» шесть раз мялкая титульный список производных трестов — святая святых любой страны. Потому СМУ и начинают работу на объекте, не имея проектно-сметной документации.

— Такими наши уютеть варить трубопроводы, прорывать их через реку, болота, леса, горы, пустыни. И не их вина — эти беда, что пока они не особенно опытные строители. Просто не было времени сдать мастерами на все руки. Теперь они должны проектировать и строить промышленные газовые комбинаты и пускаться исполнению. Но никому еще не удалось опираться аксиому: беда, когда проект начнет пекти сапожники, а сапоги тащат цеховники.

— И в те же время наша хозяйство расплазгает подготовленные кадрыми и организациями, которые уже в дикомую года страны они Норильск и Мирный, железную дорогу на Таймыре и автомагистраль в Якутии и Магаданской области. Они имеют дорогов оплаченный объект. Зачем же газовазика снова идти неперотверженными тропами питания, зачем им искать то, что давно найдено другими! Не разумеет ли будет, оставая газовазика главным козлем и пускаться исполнению. Но никому еще не удалось опираться аксиому: беда, когда проект начнет пекти сапожники, а сапоги тащат цеховники.

— Это тем более является необходимым по спадующими сокращениями. Необходимо то время, когда приросту газа. Тогда бы принадлежал весомое доля в энергетическом балансе страны. Когда добыча здесь и месторождения выйдут на пик, страна будет получать энергию, эквивалентную выработке десятков крупнейших гидростанций. Будет она гнать по рельсам, доставлять металл, вырубать новые значительные участки, а существовать связь между городами и селами страны. Эта энергия будет служить всему. И справедливо, что сегодня мы все обязаны послушать ей.

Холодные декабрьские дни 1941 года навсегда вошли в историю человечества. Есть глубокий смысл в том, что именно у стен Москвы, столицы первого в мире социалистического государства, потерпели первое сокрушительное поражение фашистские полчища, захватившие Европу и помышлявшие уже о мировом господстве. Конец гитлеровского блицкрига, неминуемый разгром фашизма — вот о чем возвестила миру несдавшаяся Москва — город — символ героизма и мужества советского народа.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Эти снимки сделаны в октябре—декабре 1941 года. Слева направо: Войны рабочие Кагалама на Ленинградском проспекте, около 2-го часового года. Атака 38 танков — Москва. Руины московской улицы были превращены в неприступную рубку.

Фото из архива фронтového корреспондента
Александра УСТИНОВА.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ

Евгений АЛЕКСЕЕВ,
Вадим ОПАЛИН (фото)

Первого декабря Чистов сел в машину. Он выехал на Окружную дорогу, потом на Каширское шоссе. Сегодня не так холодно, как тогда, совсем не так, но снег по обычным уже глубок, и лес по-прежнему обдувает шоссе. Чистов сознает, что это очень красиво и что, наверное, этот вид настраивает водителей встречных «Волг» и «Жигулей» на элгический лад.

Глядя на эти пространства, Чистов совершенно новолюбо, по старой привычке, вдруг отмечает про себя, что заглянуть оборону в эдлинх местах трудно: не за что зацепиться, и эта

СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

Илья СИМАНЧУК
ОТ АВТОРА.

Более десяти лет назад в Музей Вооруженных Сил СССР поступили письма московской комсомолки, Героя Советского Союза, снайпера Натальи Ковшовой, героически погибшей в бою с фашистами. В то время я работал в редакции газеты «Московский комсомолец» и готовил эти письма и печати. В письмах упоминалась не только подруга Наталья, также снайпер, Маша Понякина, погибшая в том же бою, но и их друзья, студенты автородорного института, добровольцы Московской коммунистической дивизии.

Впоследствии я узнал, что в 1941—1942 годах Наталья и Маша вместе со студентами-добровольцами вели комсомольский дневник. Мне удалось познакомиться с этим дневником, прочесть простенькие, безыскусные и вместе с тем глубоко волнующие записки о событиях того героического времени. Так началась работа над документальной повестью, посвященной этим отважным молодым патриотам. Название повести подсказала тема докторской диссертации, над которой работает сейчас единственный оставшийся в живых из группы друзей. Он занят выведением формулы, при помощи которой можно было бы рассчитать оптимальные варианты работы различных двигателей. Но если эта формула пока что не определена, то и ои и его подблизма друзья давно избрали для себя оптимальный вариант служения народу, Родине. Вот почему повесть о них так и называется — «Оптимальный вариант».

В отрывках из повести, которые предлагаются вниманию читателей «Смена», речь идет о событиях 1941—1942 годов, когда при формировании частей Коммунистической дивизии произошло знакомство девушек-снайперов со студентами-добровольцами. Вместе осваивали они военное дело, вместе вступили в первые бои с врагом, пытавшимся захватить Москву.

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

Наташа — родным:

«...Я живу хорошо, в бою еще не была. Научилась стрелять из ручного и станкового пулеметов, метала боевые гранаты. В общем и целом в запасе у меня теперь достаточно способ, чтобы развить прокатывае гадов. Мы им покажем, как к Москве подбираться... Ух, прокатяй, прокатяй Гитлер! Кажется, нет в мире самых бранных слов, которые могли бы подойти к нему, как определение. Буду, буду бить скверные морды отравленных собственной желчью и слюной псов. Буду бить до победного конца, ибо верю в нашу победу, верю в то, что еще увидю всех вас за круглым столом. Эх, и пальцами мы завернем — пальчики обмалжи!»

Наташа — Лиев:

«Многотураженной товарищи!

Вы становитесь совсем неуловимой личностью. Когда бы к вам ни зашли, вы либо в полах, либо в дивизии. Леняка! Мы обсыновались в первом батальоне. Если идти от церкви, то первая землянка налево в горе. Пишите и приходите в гости. Мы теперь уже к вам не выберемся. Ты, говорит, член бюро парка, так что теперь тебе легче будет выбраться. Пиши...»

Лиев — Наташе:

«Здравствуй, Наташонка! Рано ли, поздно ли поучинил ты мое письмо, но,

мысли точнее же возвращает его в прошлое, и пространное шеголевание шоссэ снова начинает казаться мне опустоленной и ledenящей душу «до-рогой смерти».

Так провалили шоссэ тогда.

Не довезла чуть до Наро-Фоминска, Чистов просит остановить машину. Здесь все не так, как тогда. Коттеджи появились в округе, нет кирпичного завода. Но сердце стучит порывисто и туго. Почему чье-то здесь все жаль. Здесь аяцкая смерть и не нашла, потому что, как она и старалась, Чистов не научился думать о ней. Тогда — это значит тридцать лет назад, 1 декабря 1941 года. В тот день немцы прорвали пол

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОСТРОЕНИЕ У МОГИЛЫ ПОД НЕЛДОВОМ.

НА МАРШЕ.

«БЫЛ КОРОТКИЙ ПРИВАЛ...»

Наро-Фоминском нашу оборону и выкатились к Апрелевке. А в их тылу, не сойдя с места, держали рубеж тридцать восемь бойцов 40-го гвардейского полка.

Чистов спускается с шоссэ и тихо идет в гору, будто бы навстречу самому себе, идущему с горы тридцать лет назад. Он пошел тогда посмотреть, кто это подтагивается к ним с фланга в маскалдах, почему-то верилось, что это сестры — гвардейцы Иванковы.

А подошли немцы — он убедился в этом в последний момент, столкнувшись с одним из них носом к носу.

Он вспомнил про гранаты и метнул их одну

конечно, получишь — в этом сомнения быть не может. Так вот, спешу исполнить свое обещание — посылаю Женькины стихи... Лирик, что и говорить!..

Ну, пожалуй, хвастит этой лирикой! До нее мы еще доберемся, после победы над врагом она от нас не уйдет. Сейчас у нас есть вполне ясная, определенная задача — разбить и уничтожить гитлеровскую банду! С этой задачей мы, безусловно, справимся.

Ничего о себе. Вчера собирался выбраться к вам, но, конечно, не удалось: меня назначили в варад. Вот это неприятность, ибо варад вам угодно, и тогда свидание отложится на определенный срок. Нет, это дело неподходящее. Стараясь чего-нибудь выдумать, чтобы попасть к вам... Сегодня наши ходили на батальонные тактические занятия. Я не ходил, был освобожден: у меня кружка какашки-то с легкими (режко мои легкие). Видимо, бривокит. Вот ввонкая их (легкие) вжал! Да говорит — все пройдет зимой холодной. Жаль только, что не возвращается голос, это уже хуже. Тут даже не споешь «никогда не унывай» и все такое прочее. Отсутствие голоса в течение нескольких дней начинает меня волновать. Нет, ты только представь себе, что у меня пропал голос. Как вам это нравится?

Представь себе — ребята поют, заоден, а я им даже подтанцевать не могу. Лишь только я попробую, как они начинают смеяться («здорово», наверное, получается?). Что тут делать, отвернешься и вздохнешь. Ну, думаю, дайте только срок. Мы еще споем!»

Наташа — Алене (на вотной бумаге):

«Добрый вечер, дружешки! Только сейчас получила твое письмо. Очень и очень кстати. Настроение у меня просто удивительно хорошее, да еще твое письмо — и... у меня, кажется, не остается причин жаловаться на фортуны. Правда, может случиться, что радость моя преждевременная, но и это уже достижение.

Знаю бы ты, что пришлось нам вытерпеть за эти десять дней! Я думала, что совсем разучусь унывать... Дело в том, что нас здесь решила перекалцифицировать на санузла и приказом прикомандировать к санузлу. Мы, конечно, пришли в ужас. Я с детства терпеть не могла докторов и сейчас не имею ни малейшего тяготения к медицинской деятельности, а тут такие дела! Жуть!! Каждый день изволь идти на занятия вместе с санитарями и выслаивать легкого о тифе, чуме, холере, газовой газитре и тому подобным праматкам. А то еще есть «взрос равных с поля боя». Также мало радости — снег мерз в полтора габубины и рыкалы, аель через него какими угодно способом да еще тащи здоровенную дичину, которая временно исполняет обязанности равного... Это, конечно, случилось только по вине моего милото и совсем послушного характера...

Сегодня Миша был в полку и узнал, наконец, что нас переводят во варад. По этому случаю у нас прямо семейная радость. Жить теперь, наверное, будем прямо в деревне. Точно еще не знаю, но только не в санузле. Красота!!

Бумаги у нас нет, поэтому и письмо приходится писать, как по ногам. Ну, это даже интереснее...

Будь здоров и весел, «никогда, никогда не унывай!». Мы с Машей часто вспоминаем твои песни. Желая тебе и твоим друзьям всего самого наилучшего. Привет. Наташкови!

А о новом месте жительства сообщу дополнительно. Ты пиши, пиши, пиши. Обязательно. Жаль, что и тебя последний раз видела только мальком. Н.». Аленя — в двеник:

«...Сегодня было батальонное собрание. На нем встретил варад — жого бы вы думали — Наташу. Вот неожиданность! Она все такая же, даже лучше стала. Давненько мы с ней не выдалась, я уже соскучился. Их с Машей первыми опята в полк. Ходят слухи, что они теперь будут в нашем батальоне. Вот бы

кой, штурм безымянных высот. Я уже прошел азы этого дела. Я был в походе...

И последнее. Вчера в переулке ребята пели под гитару «На безымянной высоте», а девочки — «Вы служите, мы вас подождем». Соседского Алексея провожали в армию. Он сразу начал подбирать, посылался, взял и положено человеку, вступающему в великое солдатское братство. Через год он приедет в отпуск ладным военным; вместо безработного шпатоцкого «часов в шесть» будет чеканить «в воскресенье молоток», сверяет сапогами, пуговицами и пряжкой, а показавшись в гражданской одежде, выправкой и статью докажет, что солдат — всегда солдат.

Военный человек добродушно усмехнется в ответ на «перв остроумия»: «Солдат спит, а служба идет». Потому что умеет не спать сутками. Часами шагать по посею болотной жиже, прыгать ночью в парашютом, водить тайки по дну реки. Вот как идет его служба. Все ли девушки понимали это, когда пели «Вы служите, мы вас подождем»?

Отслужит свое соседский парень, ворочает домой и остается наместо солдатом. Что это значит, знает, к примеру, те, кто рядом со вчерашними воинами строил Западно-Сибирский металлургический комбинат: туда рабочей бригадой прибыла целая демобилизованная дивизия. Там-то уж знает, что из некоторых получатся великолепные арматурщики, а из артиллеристов — замечательные монтажники. О них ведь сказал поэт Михаил Кузьминич, написавший на войне: «Слава солдат революции, мечтающих о градском, раслипающих деревья, падающих на пулемет!»

Что же касается сегодняшнего новобранца, то все это завтра будет относиться и к нему. К вашему соседу Алексею, и вашему брату Николаю, вашему сыну Ивану...

лейтенант.— Надо обходить. Рассредоточиться! И ходу, пока сумерки густые. Снова несались, захлебываясь ветром. И снова из тьмы выпрыгнули очертания села.

— Пять человек — разведал — сказал лейтенант. — Только разведал — ясно? Никакого шума — ясно? Даже если влетером напорется на одного фрица. Иначе сорвется операция. Короче, пронохать — и назад.

Питеро, один за одним, скользящий в темноту. А отряд рассылался в цепь, приготовился прорваться отсюда, разбежались и отступили в лес. Вот когда их, разогорченных бегом, списнула стужа.

Остро покалывала снегом секунды, доводная до дрожи студеные минуты. Шаю время. Впереди не было шума, и ребята тоже не было.

Ну-ка, еще дескток! — склонялся лейтенант. — Бедн, полматрук. Только осторожно, может, лопушка.

Сумерки начинали белесоветь, словно на смену темному, мрачному дыму, затгнувшему все вокруг, ветер привал молочно-серый отработанный пар. Разведчики зашли в сторону леса, провалившись вперед, разлазаями краши окранны села, но своих людей не обнаруживши. Прислушались — и ветерок донес до них обрывки приглушенных фраз. Русских фраз!

«Не станут же немцы, пусть даже в лопушке, изъясняться по-русски!» — решил Лена и послал одного из лыжников к крайнему дому. Тот нырнул в туман и почти тут же гаркнул во всю мочь:

— Ребята! Наши!

Командир передового охранения молоденький сержант объяснил Лене, что с этой стороны они ждали только немцев, но никак не своих. Они — это отдаленный арьергард батальона, оторвавшийся от своего полка.

— Уже одиннадцать дней по тылам у них шарим, житья не даем. Вот только радия из строя вышла да сухари последние дожевали. Мы слышали недавно — в стороне Гучева бой. Вот наш комбат и решил прорваться через Гучево к Новой Руссе. На Дятлево выжались — и взяли.

Через несколько минут в деревне собрались все разведотряды.

— Мы тут многие места облазили, — сказал им комбат, — где с шумом, а где и стоноркой. Так что глядите — на зарежье. Вот дальше дорога идет на Великуши. Дием там не пройдете, мы испытали. Сама стоит на горе, здорово укреплено, а с западной стороны — река и низина. В селе, вероятнее всего, штаб — машины слюют, связные мотаются. Обходите лесом и другим берегом реки.

Замедил в лесу. Великуши — как на ладони. Действительно, суетня там немалая. А сбавает, ок, так воюет! Брат не ждет, укрепления только обжали деревни: в лес немцы не лезли, боялись, жались к теплым домам. Да и укрепления смехотворные: долбить траншеи в мерзлой земле враги не стали, а стрельба вокруг села снеговую насыпь и обвалил ее водой. Получилась ледовый вал, что вроде баррикады, вот и все. Руки джж и возмущся нажать на спусковой крючок — башнисы разугарывают в пределах прицельного огня. Но нельзя!

Вернулся связной. Оказывается, полк Пипеничного вышел на Мольовины, попыткась взять их — не удалось, а потом прорвался к своим. Можно возвращаться.

К обеду отряд прошел Гучево. В центре села, у штаба, стоял в своей неизменной кавалерийской форме командир полка Довнар, а чуть поодаль... Лена торжмозма возле двух малыхких фигурок в шинелях.

— Привет снайперам!

— Ох, ты! Смотри, Мануша, какой гонщик!

— Что подальше?

— Пока ничего. Со штабом вот. Охранам.

А мы уже в разведку стоим! До сямых Великуш. Крепкое местечко.

Рисунок Владимира ФЮДИНОВА

Ведь это же горы! Отсюда первые впечатления бытия. 1941 год, лето. Дом, горы, дорога. Отец мне, четырехлетнему, достает цветные карандаши... Теперь это все — Памир, «крыша мира», «центральный пункт земли и неба»...

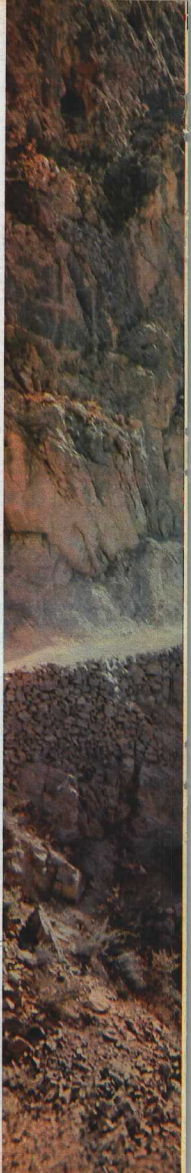
А раньше — домоузубая вода в роднике, каменная тропа вниз по ручью к доручастку, взрывники... Не хочется терять ощущение, которое возникает всякий раз при звуке «П а м и р»...

Он и теперь словно только что вышедший из моря: не трава на скалах, а листва да плесень. И словно выступили наружу следы недавних бедствий, сокрушительной, утихомирившей стихии. А в распадах гор замеры, притягивает титанические — тектонические — силы: трещины, крутые, разрушительные, которые и ныне корчат, корчат земаю, потрясая ее до основания. И человек — невнятный, крошечный, незамысловатый, — который проложил здесь дорогу...

Геологи плачут, спускаясь с ледника, где они «пропадают пять месяцев в году». Плачут, ступив на камень, угадав, почуввав под ногами некогда твердую. И хотя это не земля вовсе, а лишь горная порода, — плачут...

Здесь, в хаотическом нагромождении скал, живнут, не унимаются страсти; вторгаясь в неурюшимые недра горы, человек извлекает на свет

Эдуард КАРПУХИН,
Валерий АРУТЮНОВ
и Роберт НЕТЕЛЕВ (фото)

БЕЛАЯ ДОРОГА

ДОРОГА ПРОЛЕГЛА ОТ ЦВЕТУЩИХ ДОЛИН
ДО ВЫСОКИХ ЗАСНЕЖЕННЫХ ПЕРЕВАЛОВ.
ДОРОГА СТАЛА ЗАБОТОЙ МНОГИХ И МНО-
ГИХ...

и волоты, и рубины, и хрусталь, не говоря уже о минералах железа в шламах и железных грунтах. А приключит к человеку, так и в нем, покажут, откроются сокращения, глубинные залежи бесценных кристаллов, дорожки которых не было в мире! Характеры и персонажи, достойные Шахеразады. Но чем легче обрисовать, агорную болельщицу — пригласит к горах, к Памиру...

Степь — это предчувствие гор. И, значит, есть такое чувство — горы...

«Шундаиан — как бувад мованди лядан?» — говорит таджик.

«Услышанное — когда оно было сильнее виденного?»

Как бы там ни было, иногда надо осередото-

рога существует лишь для того, чтобы ты проснулся сегодня и вдохнул этого воздуха.

Таджикистан называют «автомобильной державой». И вовсе не потому, что предлетние здесь отдают автомобильному транспорту, а потому, что порой только грузовик и бывает под силу проползти в труднодоступные торговые районы и доставить по назначению необходимые народнохозяйственные грузы. Семьдесят процентов всех перевозок в республике приходится на довоз автотранспортом. Большая часть «лежит на плечах» горных дорог Таджикистана.

Памирский тракт — один из немногих путей, которым Советский Памир (Горно-Бадахшанская автономная область) связан с Большой землей.

Непрерывным потоком движутся по тракту караваны автомашин. Днем и ночью. Легком и тяжелом. Они везут на Памир грузы. «Все — от гвоздя до ракеты» — как метко шутят шоферы.

«Ну а мы, пока автол тут...» В об-

том его будет пошатывать, когда он ступит на землю, расчехлит уставшие ноги, освободит замешенные руки. И промашлет воздух в лице смешинка-искорка и выдлет его с головой. Ребячливость професорской души! А ведь это в его честь, професору, стоит на выездах горючих лоскутчиков, выцветавшие плети: «Счастливо-го нуту, товарищ водитель! Помни, что дома тебя ждут жена и дети...»

И люблю этих людей, молчаливых и простодушных. Для всех дорог — очередей рейс на Памир. А тракт пролегает на уровне 4 тысяч метров. Это на Памире говорят: «Мужчина не знает в пути!» А дорога не знает конца: у нее есть начало и есть цель.

15 марта. В это время в долинном городе Ом отъезд уже миридал, задержат бело-розово урки. Знаменитая Сулейман-гора подиритя солончак дымкой. А в снгу в чайной, как раз на трети пути от Оша до Хората, и кутансы в туал. На дворе аман. Воле чайной сполкане ШИлов. Здесь встречаются и те, кто возвращается поромником из рейса, и те, кто идет с грузов. Поромные машины «смотрят» в сторону

читься. Это бывает раз в год, может, больше — не знаю.

В горах — дорога. Она тревожит воображение, волнует память. Прихотливо ее кляне, злобно-мерно, посядательности. «Роки сафид!» — так по-таджикски звучит доброе изустное. Счастливого пути! Букаально же переводится — «беда и дорога»...

Зной, зной, зной... И ослепший, достигший на солнце гурган. И шаркает по гургану груженая трюктовка. Чхикет... и обдаст приторный бензином перегаром. И след проторы. Только землекопские ужи, да нахвие на тебя оло, нависоимо — дороги. И сразу потопит...

Гудит, подраывает грузовик. Пылают по обе стороны изольные вечеренные поля. Набегавшим шумом отзываются придорожные деревья. Шаркают по сторонам отышка жидкая. Все вокруг облоюка ночь. Вредин ворочаются в черном небе. Тутто шепелятся о набку лочные шуми. Город давно кончился, дается ночь и дороги. Вязанный волонный воздух. И ничего нет больше, кроме этого напылавшего пречтура, маржающего струения, которое, можно быт, опущено только на легу.

Потом варту остановки. Ночлет. Вместе с шофером ковыляю в сторону от шоссе. Упыхив. По ногам права. Завалисто и самозабвенно тревожат тикады. И слово оцепенелые — звезд... Вальсе в траву. Опа колыко вичеток ночь и лядони. Жмурюсь, улыбаюсь и засыпаю...

Отпущен оттог, что, холодок гуляет по телу. Трава провалит. В стороне на возвышении шоссе примыкает в суряне машины. Бреду туда, лежу под кусты. И жужжу, жужжу на тынлы, не успеваю остаться на ночь турган.

И снова астана. Вперед, на востоке, клубится исполоное варено расвета. Там, в его надрах, должно быть, Памир. И воздух обновляемый. И слово испляния во рту. И жалется, до-

шлем, Сергей устал уже. Мы бы, конечно, и не заметили его, если бы не ехал со мной второй шофер. Он сбоку сидел. Там в обрине справа мне бы видно. Ночью было темно... Уже проехали, он и кричит мне: «Тенал! Вилзу машина лежит!» Ну мы сразу — раа! Развернулись, спустился туда. Смотрим — лежит!.. В кабине жарко стало — заснул на подкове. Заснул, и все. И — поехал прямо...

— Да и сам зной раз едешь, один если: не с кем заговорить там или чего-нибудь... И чего-то спать охота. Особенно когда на подъеме. Особенно когда тут здесь идешь. Ак-байтал! Машина тихо идет... Ты вроде и чувствую все, что идет надо. А глаза закрываются. Спят, и все тут... Вот и пугаешь себя.

— Как тутешь?

— Ну... Как дедой обычно тутажо... Вот едешь сам себе говорши: «Сейчас во из-за того замки выскочит снежный человек, будет «голосовать», так ты не останавливай!»

— И помешает?

— А как же? Конечно! Обычно ведь такое не придет в голову. А тут нужно... Ак-байтал — самый серьезный перевал в зимнее время. Пять тысяч вьсоты. Сильные зяпосы снега, бураны, гололед. Очень тяжелый... У нас говорят так: «Не возьми бананку хлеба, а возьми лопатку с собой!»

— И летом?

— Летом-то еще полбеды... Хотя бывает — и в июне, и в августе снег идет. Сидишь и вынешт жуть ли не в майке, и тут же сразу, раа! Туча заходит, и снег или град! Ну, а больше всего снег идет. Дождей здесь не бывает...

Сиди с моих глаз налена. Открой мне ровный дальний путь, открой, каким он видится водителю!.. Чему тут оно скучно рад, навлекая на чертова колоде баранки! Как будто он один на всем белом свете и шлет про эту дорогу... По-

Опа. Грузенные, уставшие своими фарами в белую гудку скалятос гор. Византия карточка Памира: отсюда как на ладони и чих В. И. Илеяна и пале Зет. Боржелевской, а тут левее — пик Пограчичинской.

В чайной переабитка радиоэпикой речи. О чем только не говорит: о залпачках, о жепляках, о домашних делах... Сиди. Кто-то крутит трансивер. А и мотаю себе, не на ус, разумеется, — на магнитофонную ленту. «Репортер» включен.

— Как дорога? Все проишестай?

— Сиди... отомалек голод... А как без проишестай. Там, на 620-м километре. Бульдозер подчиняют...

— Там вечно... Все время идешь по снегу... Завалов-то нет?

— Завалов нет. Да вот утренника вивиды — прогноз неважный...

— Не ночевать же здесь... Проскочим!

За стеной чайной вымывают моторы. «Порочняк» собираются в путь. Слышен ронд удающейся машины. Ночью будут дома...

Несколько шар рук тяжело, по локоть лежат на столе.

— А ты скажешь — романтика?..

— Ты бы помогчал...
— Знаем мы эту романтику! Тут сплошная армия: сделал 5 рейсов — гоним. За милую душу. Не так, что ли?...
— Так-то оно так. Ну какой я романтик! — А я кто такой? А ну, пришел из рейса. Отстался. И спомал! А что там жена, дети? Есть, нет?, Надоло, а тебе снажу... Уеду я, наверно. Брону...
— Ну, знаешь. Задумился...
— Пряду к начальнику, скажу — жалит! Когда-то тебе вельбост придется...
— Я не пойму: ты или приторговываешь, или... Ведь уже давно на Памир ходишь...
— Да не все ли равно где баранку крутять? — Так-то оно так. Сам знаю. Не ты первый! Я ведь тоже уходил. И платил не хуже. И работа чистенькая. И все довольны... А вот не смог. Как тут объяснить?...
— Ну а сам-то ты как думаешь?
— А что думать? Вот стоит гора — и стоять будет. И прогнаны останутся. И человек дорога... Ну, ты уйдешь. Другой на твою место слезет. И тоже будет покрывать землю. Но это другой и будет, а не ты! Покрышишь и я отведу моту. Путешку в зубы — и пошел! Кому какое дело, кто там чего зовет? Пить бы вел... А мне себя одолеть надо! Себя. Пожилаешь? Спихнул во мне: и снег вот, и высота, и дорога... Ты думаешь, мне не надоело? Тогда хочешь иной раз плюнуть, да убежать отсюда... Ты вот спрашиваешь — чего я везу? Хлопковое масло везу 50 литрами! И даже один процент бо-

нить свою работу смыслом. Уж наверно, кто мог бы сказать, что место на земле выбираем не мы, а наша совесть. Что-то определяет всарат и профессию. А вот место... В юности это зовут увлечением. Потом — долгом. Может быть, призванием...

Много воды с тех пор утекло. Уж удивляюсь даже побывать в автозаварии: отдалая жегко-гольма на нижней губе остался белизней! зутки, зарубочка. И мы с ним встречались почти каждый год.

И вот снова встреча.
Ты ты, говорюши, не забыл про горный свет? А я ведь тоже долго бился, пока разобрался. Знаешь, ведь я портретов не пишу больше! Сейчас постараюсь тебе объяснить... Главное — в действити! Вот что побуждает человека к действию? Вот этот толчок, интуит? Природо грозит человеку каждый час. Вот гора стоит, смотрит. Стоит себе и стоит! И ничего ей не ставит. Стоит. Вот это — высота, бураны, лавины... Истина — в действити! Природо вымывает тебя на поединки! И сама же дает тебе пид.

Этот пид — твою жизнь, твои руки, голова, нервы. Запицался! Действуй! Это для меня как дьявол два жельо. Где-нибудь это имя, но на Памире так... Девка Лондонско поминать! И экзександ Грин тоже. И Рерих... А эзотика — это штуки для барышень, для святых. Вот это

с небом. Осколк неба, небесный камень — лавурит. И я чувствую, как немонется ему, камню, на ладони, и хочется обратно...

Надгвар. Кому-то этот камень виноват ку-порос, кому-то голубую немобуду. А мне он дал в честь того, что дается один раз и навсегда, и способен объяснить сразу и землю и небо. Это отец...

Отец мой был дорожником. И любил дорогу. Может быть, потому он любил ее, что она, сокращая путь, упроцедет человека, обнаруживая душу. И когда тебе все уже станет ясно, ты поймешь, что самое главное — сохранять в себе восторженность, как давний замкис...

В Хорго на горе стоит лампачик — на бетонной плите трехгранная призма. Одной гранью она обращена на север, а вальмо — на восток, отсюда каждый день встает солнце. Здесь могла ота...

В альмо с дождем облетает дук. Потом облетит джистя; их обрушит осея — вальмо, итновельо. Как пыль дорос — жмоно надо проскать, много проскать, чтобы она запокроила твою ледо, чтобы дорога стала твоей заботой...

Горный запах дороги — это не только мешанина зноа, белизна и гудрова. В нем и прикуе отомства, и тот прах, что ложится и на мое лицо; и та жижест, которая никогда не перелажив на мое плечи.

Отец мой был дорожником. Дорога привела его на Памир. А горы захватили ота и больше уже не вернула...
Белая дорога...

предусмотрен! Впши как! А завтра дрова по-жезу, жемк, корма... А еще я себе везу! Потому что меня там, в Хорго, меня, Генку Чалышева, ждут! И меня уже нельзя заменять... И тебе, и ему, и егой. Потому что здесь все стало дорож. На Памире люди ждут поцелуи, самолетов, писем, удача... Не складно — и ладно, авто ваэно и прожидано! И еще человек сам себя жидет... Не знав? Все — глотки, пограничники, кардотелевизи, врач, вот мы, шоферы...

— Главное — передать перспективу, горный свет. Вот вроде вижу, а нет егол... объяснил мне бухгалтер Давидов Мамышев, с которым я познакомился в 1957 году в Хорго, куда он приехал на Москва. Работа в областном музее-дворце, рисовал декорации. И, конечно, пейзажи, портреты, натюрморты...

— Самое главное — передать перспективу... — Он задумчиво перебирал листы картон с эскизами, и вдруг как-то странно переменялся в лице, и расписано баранки по картону... Для меня, помню, слова эти прозвучали по-иному, более открывающим. Я видел человека, который добивался, мучился, жег. Он не придумывал, его сочинял — он работал. И хотел одного — напо-

мит сопереживающим со стихией — да, толчком, побуждением, импульсом, когда ты принял заказ, — «мгновенье, ты Хорго!» — если ты его поймешь, значит, ты художник! Здесь единство добра и красоты. У греков даже термин был — калаватити. Слово-то какое — и а и к и г и я. Ты запомни... Знаешь, еста у меня одна версия. Памир и Парнас! А? Гора позгов была где-то на Памире? Знаешь, я верю. Ты это серьезно не принимай, это, наверно, бред соображений! А вот портреты я больше не пишу, извини...

Колл! Просташа ли ты мне, что вот так тебя выставил? Ведь я и не знаю, что ты, о чем сейчас думаешь, передай гор, которая еще обставила Хорго в холодной октябрьской морозью оспылет тебя. Но я ничего не прибавил. И это не святимента! Дружба — нежность любви. Сам же говорил. А сантиментализм мы, когда этой самой нежности укажем человеку больше, чем он ее заслуживает!

Вот и гора уже не гора. И камень больше не камень. Я не знаю истории этой горы, она необитаема. А этот осколк, что лежит у меня на ладони... Его еще зовут «ладгвар». Он светит и сын, как памирское небо. Он и впрямь мог родиться только там, где горы смыкаются

РЕМОНТ В ПУТИ: СОРВАЛАСЬ КОЛЕСНАЯ ЦЕПЬ

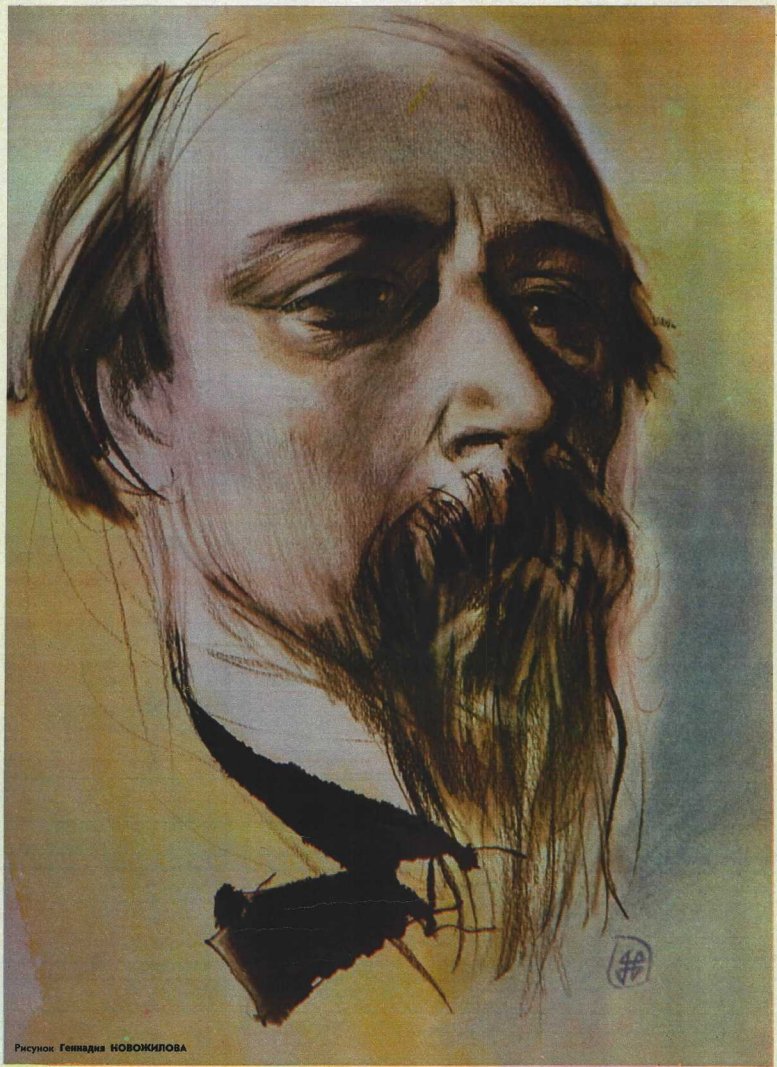

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

У каждого из нас свой Некрасов. Вот у меня — свой, любимый, изначальный. Мендася я — менайся и мой Некрасов. У меня несколько Некрасовых. Некрасов — «Тройка», Некрасов — «Королевичик». Это Некрасов моего детства. Войны. Провожаний. Похоронных.

Ой, помни-помни моя норовушина. Есть в ней стича и парча.
Пожалей, душка мой, замнобушка,
Молодедого личка.

Пlea непомро, в себй, пау разми-ваную гармонь Федька Левченко — наш совхозный гармонист на собственных проводах на войну. Plea о себе. О своей жизни, где было много стича и не было волос старомодной, тяжелой парчи. Plea потому, что попросил его сыграть что-нибудь веселее. Чтобы прохватувало. У одного Федька чудом сохранился чуч. Говорит, сумел, уговорил. Остальные стряпаче. С зыбкими, мальчишескими зыбками...

Еще не было имени Некрасова со мной. Была эта раздольная песня, как все русские песни, чуть-чуть жалующаясь навесть кому навесть на что. В песне жалуются, но не любят, чтобы их жалали. Пожале и узнаю, что жалость по-старинному — любовь. Значит, песенно жалеть — любить. Значит, и некрасовская скорбь — это тоже любовь.

Смутная и непонятная была эта песня для меня малаoletнего и особенно «бирюзовый перстень», старший папа зачехлил хрипеть.

Под «Королевичика» уходил идти на войну, а вечерами из репродукторов раздавалась грозная песня: «Вставай, страна огромная...» Так соединялись в моем сознании две эти песни.

И я хотел походить на отчаянного Федьку и его песню. И может быть, ставшая иссопа на него.

«Это был мой мальчишеский Некрасов. Еще безымянный. Но в песне слышался голос какого-то сильного и удалого... И почувствовал болячо сердце желанием полюбить кого-то, может, удачливой, а может, обреченной любовью.

До школы я знал только одного поэта — Пушкина. И так и считал, что все стихи — от Пушкина. В школе же я узнал другого поэта — Некрасова. Пушкин — пророк, который будет нечно «глаголом жечь сердца людей». Пушкин — что-то сказочное, снежное, взрывное скользящее. И вдруг как бы отвращающее нашу стабу-бу возвращение в будничность» —

Некрасов. Может быть, Некрасов — это Пушкин а старости? Тогда откуда это борение с самим собой? Борение с Николаем, убившим Пушкина? Со своим веком!.

Нет, в Некрасове есть что-то от пушкинской чаши. Просторный расцвет слов! Простатат Ии та крепкая крестьянская сметка, которой так славился ярославцы и жители северных напшек губерний? То, напшино, житейской прамоулиное ощущение одной и той же корневой системы всех земель русской, что не успело довершиться в Пушкине, договорилось а Некрасове.

Поэзия до пророчества глагольная, как бы уплывающая, вса для движения — по Некрасову, «сестра народа — и женщина». Эта муза требует, чтобы сердце поэта источалося заботливостью, состраданьем — на то она и сестра.

Некрасов испытывает свое сердце на борбу. На ветное-изгнание из радости, пока сестра страдает и скорбит. Сестра. Россия.

Так а неустановлено а Некрасова и поэзия для себя открывала, и неознано не только в прошлых веках, не только в иной, по-пушкински красивой жизни, но и здесь, в аерение. Что шиняеком помя, надрезанное ветром, — это поэзия. Стог сена — поэзия. Что об этом, оказывается, стоит писать и нужно писать.

Так определялось во мне образ поэта. Подвизника. Печальника. Народного радельца. Стратотерца. Певца. Не зря ведь Некрасов в одном из стихов послал мне стихотворений, «Друзьям», пожелала заветного:

Вам же — не праздник, друзья! **благородные,**
Их бы а тангу могли сойти, **и**
Чуть бы широкие лавги народные **и**
Их протерли пути...

Раньше на скодах выбрался от всеобщих человек, которому нужно было страдать за «мир» перед властью. Немало сам себя выбрал в народных холодах, чтобы страдать за всю земную сиво, за весь собор. И как несправедливо и горько звучит его предостереженное покаянное слово: «я настолько же чужд народу умираю, как жить начинаю». И это не красивая «вишня» поместного арибала, это вечная «вишня» поэта перед всеми за свое. Добровольно принятая на себя иная другая раба того, чтобы страдать за весь мир...

Это мой школьный Некрасов. Таким я его принял в свою душу. Таким восстался и полюбил на дол-

гие годы, медленно и подспудно перерабатывая вместе со своим прощаньем и много в своем прежнем представлении о жизни и поэзии...

Поэзия Некрасова не угнетена печалью, потому что выложена суровым гражданственным гневом. Это стихи человека, который мог бы о себе сказать словами Блока: «И вечный бой, покой нам только снится». Вся жизнь его — вечный бой с козностью самодержавия, с тамерановской тьмой беззверных. Вечный бой ради свободы. Ради русского мужика. Ради своего народа.

А ты, поэт избранный неба,
Глаголай истин венечных,
Верь, что неувядающая звезда
Не стим ветров струи твоей!
Будь гражданином! Служи искусству,
Для блага ближнего жова.

Так определила сам поэт а «Поэте и гражданине» служение искусству как высший нравственный долг перед народом. Можно сказать, что русская поэзия прошла и происходит только гражданственности у Некрасова. Не зря в том же стихотворении он ридарски прямо говорит от имени Гражданина: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Он первый у нас так убедительно показал, что поэт должен писать не только о народе, но и ради народа. Только любить народ — этого мало. Нужно бороться за его счастье, далом и словом. Быть первым утешенным — это высший смысл жизни поэта и гражданина. А для этого нужно было слово суровое, до простоты. Чтобы слово могло бороться, оно должно быть свободным. Вот почему многие стихи Некрасова со своей формой — баллады. Вспомним хотя бы «Фрину», мать солдатушки «Похороны», ставшие песней.

Слово, опаленное а сердце, — это слово Некрасова. Слово человека с лицевой и промокательной совестью гражданина. Не оттого ли многие его стихи так похожи по слову на прокламацию, зовущие Русь к топору? Этот взрывной материал, его стихов не осыла до сих пор. И зна, люди двадцатого века, так же, как и Некрасов, любим и невадчим, гневными и совестными, потому что такая поэзия — вечный бой. Скорби — оборонительная. Гнев а поэзии — это меч. Поэзия Некрасова — это шит и меч. Гражданин стал поэтом ради другого, угнетенного. И простой русский че-

ловек понес стихи Некрасова и на бутт и в сибирскую ссылку. Русские революционеры несли Некрасова в своем сердце. Так Некрасов стал совестью революции. Такого Некрасова любил а многие стихи помнил наизусть самый большой гражданин Земля — Ленин.

Некрасов мог бы и о себе сказать, как о Белинском:

«...но в нем интел
Родник богатыч сил природных —
Источник мыслей благородных —
И чистых благородных дел.

Есть у меня и другой Некрасов — «кнутом несеченой мулы». Некрасов, защищающийся своей болью от молчания.

К своей музе Некрасов обращается в самых скорбных стихах. Обращается так, как мола о помощи, вера в ее отзывчивость. Так обращаться может только сын к своей матери. Муза Некрасова похожа на его мать, скорбную женщину, тихо угасающую под гнетом мулы. Муза его — молодая женщина, больно протестующая против собственного смирения. Не зря а предсмертных своих стихах Некрасов решает поделаться с ней страданием знанием своей смерти.

О Музы! У а двери гроба
Пустей и людской вноват.
Пусть увеличат во сто крат
Мои винки ядоуся злоба —
Не плачь! Завиден небесей наш...

Так перед смертью вспоминают мать. Так вспоминаются а самом глаголом. Так с именем матери на устах не примиряются со смертью...

Муза Некрасова не любит принимать разных обличий — она это сестра, то мать, то крестьянка, которую болят кнутом на Сенной, и все равно она страдала. Печальница. Как сама Россия. Ей Некрасов вспоминается а своей скорби и в своем гневне. Ибо скорби родит гнев. Гневом охвачена душа от рабской униженности. Музой, как восставшая памятка о матери, испытывая Некрасов свою подвизническую любовь... Позней своей он уравнивал в своем значении и декларистик, и безвестных крестьянок, и мать свою, погубившую под бременем грубого несправедливости. Все эти женщины, слышався в единый образ, как бы воссоздаются в образе России.

Некрасов первым из русских поэтов восстал мат. Он как поэт родил-

Надежда ЖЕЛЕЗОВА,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

...Зима. Яркие, спящие глаза
краски неба, розового снега. Мо-
зайка льняных троп в лесах
Подмосковья, горах Кавказа
и Тянь-Шаня.

По календарю в наших краях она
начинается вот сейчас, в первые
дни декабря. А по особому твор-
ческому календарю моды — гораздо
раньше, совпадая с сезоном
топленного снега на московских
улицах. Именно в это время пять
столичных домов моды, художе-
ственно-конструкторские бюро,
фирмы и объединения в целях
семидесяти предприятий легкой
промышленности Москвы присту-
пают к реализации новых идей
моды.

Какая же она, мода-72! Готовит ли
спорызм нам, потребителям, и
верным советникам ее создателям!
— Смысл моды — в массовом
тиражировании полюбившихся лю-
дям изделий. Поэтому будем гово-
рить только о реальном гардеробе
этой зимы — такова точка зрения
Тамсин Кучинской, художественного
руководителя методического
цеха Общесоюзного Дома моды и
одежды. — А на этот реальный гар-
дероб и перемены в нем оказывает
решающее влияние молодой чело-
век — главный герой моды. Кто же
этот герой!

Судя по словам художников, его
образ складывается по коллектив-
ному портрету молодых людей се-
мидесятых годов.

«Ребята с молодежной стройки
в Сибири, в общедожной которых
поэтугом висели строчки стихов
Заболоцкого: «Не позволяй душе
лениваться!»...»

«Щеголеватые, похожие на мед-
сестер — в белоснежных халатах и
высоких колпаках — девушки-модель-
еры с московской фабрики «Боль-
шевики»...»

«Юные бородачи — метеорологи
с острова Кейса — самой северной
в мире полярной станции (там, на
81-й широте, вход на вечера отдыха
разрешен только в белоснежных
рубашках с народными галсту-
ками!»...»

«И студенты, проводящие лето —
свой третий семестр — в строи-
тельных отрядах, и модницы тачинки
с Третьяковки, и ленинградские пар-
ни, прочно осевшие на завьюжен-
ном Диксоне, чтобы корректировать
в полярной ночи путь ледоконов,
чтобы определять, как меняется
климат планеты.»

— Так что же предлагают моло-
дости модельеры!

«Прежде всего вопрос надо
ставить по-другому», — возражает
Кучинская. — Что предлагают
(и диктуют) модельерам молодость!
Именно ее темп жизни и интерес
к ней и определяет поступательное
движение моды, изменение ее
курса. И новый ассортимент.
И в том числе, если хотите, длину
юбок.»

«Вспомните жаркие дискуссии
на эту тему, проинские на страницах
печати: сторонники миди, макси
и мини сирещивали свои взгляды
в шутку и всерьез, апеллируя к
истории и современности, к ис-
кусству и экономике. Сегодня эти
споры затихли. Победили логика
и разумное начало. Мини-юбка

ВЫИГРАЕТ МОДА
ПРЕЖДАЕТ МОСВУ

●
ЛУШШИЕ ДЛИННО-
ВОРСНЫЕ МЕХА С НОВА
В МОДЕ.

●
ЗИМНИЙ АНСАМБЛЬ ОБ-
НОВЛЯЮТ ТВИДЫ, КЛЕТ-
КА, ПЕСТРОТКАНЬ.

●
КОСТЮМ ДЛЯ ВЕЧЕРА,
ДЛЯ ПРАЗДНИКА: ДЛИН-
НЫЕ ЮБКИ, НАРЯДНЫЙ
ШЕЛК, ЯРКАЯ ОТДЕЛКА.

●
МОДА НА ТРИКОТАЖ —
ВНЕ ВРЕМЕНИ, ВНЕ СЕЗОНА.
НОВ.

изжила себя бесконечными укорачиваниями, манса — всего за один сезон — доказала непригодность и реальной жизни — с ее тот же транспортными трудностями: ретивые модницы просто жизнью рисковали на эскалаторе метро.

— Молодежи нужны легкие, удобные формы одежды. Не удивительно, что созданная для юбки кинозвезды «милкс-мода» уперла на земле, на которой родилась, — в Париже. И ее похоронам немало способствовали такие крупные художники французской моды, как Пьер Карден и Марк Боас. Не удивительно и то, что нынешней змной художник-модельер предлагает новую длину: до середины колена. Молодым девушкам модельеры советуют платье, юбки чуть выше колена. А тем, кто постарше, — колени, прикрытые юбкой. Такой хитр моды. Интерпретировать его может каждый — по вкусу, возрасту, образу.

В зимнем сезоне платье, как говорится, наа грабие моды. Как и пальто, его предлагается шить, ориентируясь на три модных силуэта: полуприлегающий, выгнутый по вертикали, заканчивающийся небольшими расширением кокету; прямой, все пропорции которого тоже выгнуты по вертикали; наконец, новый силуэт «полуприлегающий, который модельеры адресуют только молодым и только стройным...

Итак, «первую вешалку» в гардеробе змны займет платье — удобное и уютное, с длинным рукавом, мягким поясом, подчеркивающим талию, с расхоженной кинзу юбкой. Требования моды — юбка должна заканчиваться небольшим расширением, подчеркивая гибкость и женственность силуэта. Но в этих пределах перед нами полная свобода выбора: юбка с застегивом на пуговицы спереди и сбоку, с декоративной вертикальной планкой спереди, с крупными складками, с отпелыми полотношвами, с разрезом.

Однако главная особенность моды змной в том, что наш гардероб составляют не отдельные вещи, а комплекты, части которых принадлежат к одному ансамблю в другой. Таким образом, у нас вадельц возникает возможность комбинаций, сочетаний и вариантов, просчитать которые полностью в состоянии только компьютер...

Например, платье приобретает новый вид в сочетании с длинным жилетом, вязаным или шитым из илечитой шерсти, пестротканым, твидом, с брошкой и нарядным поясом, украшенным металлом. Мода внимательна к деталям: разнообразие накладных карманов, икотки, зрительно суживающегося плечо плеча, декоративные потогонки — все это подчеркивает молодость и спортивность моды. Мелодия модности звучит и в ансамбле платьевалто, украшенного широкими отворотами, — носить его рекомендуются с шелковой блузкой, ярким шарфом или тонким шерстяным свитером.

Брючки и брючным ансамблям — почет в зимнем гардеробе. Этот удивный, рациональный костюм просто необходим женщинам разных возрастов в нашем северном климате. Приятно, что можно порадовать наших читательниц конкретными сообщениями: приказом Министерства легкой промышленности две крупные фабрики Москвы полностью переведены на производство брючных ансамблей.

Впрочем, женщина не претится ходить, пока эти предложения выйдут на проектурную мощность: брючный ансамбль — с длинным жакетом или короткой курточкой на широком атланом поясе — можно и сегодня

купить в магазинах столицы. Например, в магазине «Одежда № 33» — на Вятской улице. Это своеобразный «полигон» новых идей моды. Здесь несомненно серьезно проходят апробацию новые модели одежды. Специального художественно-конструкторского бюро Министерства легкой промышленности РСФСР. Сюда прямо из цехов одного производства, с фабрики «Березка» и лабораторий в Мэйнвилле, поступают и покупаются прототипы проработанные модели сарафанов из шерсти и искусственной кожи, украшенные в этом сезоне разнообразными инсталляциями фурнитуры — прозрачными, крупными бисером-люверсами, нарядными пуговицами из алюминия, которые — по эскизам художников бюро — выпускает московский завод «Москвитин» в тридцати вариантах рисунков.

Здесь можно купить и молодежный костюм, в котором короткая куртка сочетается с чуть удлинненной юбкой, с ансамблем «костюм-тройка», и длинный суконный жакет (тоже и брюкам), расшитый по мотивам русских орнаментов.

Интересно, что в коллекции, которую — с каждой неделей — сезону 165 работников бюро готовят для промышленности Москвы и других городов Российской Федерации, ориентированы на полторы сотни договоров с предпринятиями, основной акцент — на создание нового ассортимента одежды. Например, в коллекции молодежное пальто-поддевка по мотивам народной одежды России представлено в разнообразных вариантах. Его шьют из синтетического искусственного шелка [группа плащевой ткани «Болонья»], украшают вышивкой или узором из тесьмы. И всякой раз модель смотрится по-новому.

Эксперты народной одежды сегодня не дань этнографическим рассказам Людмила Константиновна Ефремова, главный художник бюро. — Это одна из характеристик моды как и расхождений юбки в пальто-поддежке или высокой вальто-стойки. Обращаясь к теме народной одежды, художник пропагандирует и удачные ансамбли — жакет с брюками, украшенный орнаментальной вышивкой в традициях народного искусства России. И деловые сарафаны и нарядные платья украшают вышивкой, модная эта вышивка!

А как будет выглядеть молодой мужчина в новом сезоне! — Слово — Вячеславу Зайцеву, заместителю главного художественного руководителя Общественного Дома моделей.

— Мужской гардероб отличается четкой конструктивностью, каждой детали ансамбля. Никакого напыления на женственность! Прилегающий силуэт пиджака с расширенной линией плеча и легким расширением книзу от талии, куртки, стегутые широкие пояса или мягким кушачком; синтера толстой вязки, которые сшивают пиджак диема, — все в гардеробе юноши подчеркивает мужественность облика.

У женщин вопрос с длиной юбок наконец решился, мужчины еще не могут позволить однозначностью выбрать становится коротко пиджак костюма — это вызвало удлиннение пальто. Сегодня еще трудно рекомендовать одну какую-то длину, однако знание пальто полностью пришьивает колесо и рекомендует молодым в полу-прилегающей, сшитые с пуговицами сорочками из искусственной шерсти, оверсайз, меха короткого косяка.

Еще несколько слов о мужском костюме: линия плеча делового костюма более открытая — стал

На IV этаж.

Юрий СМЕРНОВ

Зарисовка у тракта

Над степью воздух раскалил
И пышет, словно из духовки.
Машины в несколько колонн
Рвут и мчат без остановки.

Грунтовый тракт в две колес
Спокою, на изгибах плавлен,
Ползут две плоские змеи
Туда, где горизонт расплавлял.

И от бесчисленных колес.
От иссушающего зноя

Сутлинось светится и лещ
Асфальтовой голубизною.

Вослед клубится пыльный хвост.
Вдурь среди степи, подпрыгивая ног,
Неисполнители, зять и нян пророк
Казах, сидящий у дороги.

Все мимо! Двигаются, тремт,
А он, не изменившись даме,
В лице сплотивается хранит,
Став принадлежностью пейзажа.

Замерзание влены

На запад бегут облака.
Их цвет по краям фиолетов.
Крустится клева пена
В своих золотых лепестках.

Но горечь известная есть
В лике и бездумном густарстве,
Погнибнет и слава и честь
Земкой в ледяном густарстве.

Ваш их не узнашь в декабре
На мутном степенном морозе,

Тыкошно стоят во дворе
В согбенной простельной позе.

Не тронет их острый топор,
Пыла их не тронет, поваре,
Но иценство их и позор
Не утне в немедленной смерти!

...Лыжи первый пробьется ростом,
Пойму, что была неувместна
Зальностье горная строк,
Когда-то написанных строк.

Евгений ЕЛИСЕЕВ

Баллада о песочных часах

Песочные часы — какая талая!
Как у омет и мутная слеза!
А ложь, не слеза, а льдишка талая!
Часы не полагаются глаза!

Ужель так болно рынку шутка гениал!
«Мишель! А я любил тебя, Мишель!
И ног твои удел — страдания и гонения,
И злая любовь — отчаянная мишель!»
Глухой свои последние черешки,
Прохладные, как губы той черешки,
Печальными, как очи той книжки.
И больше не острей — пора в юности...

В траве дымится пыл недоговоренный,
И права нет на боль и на тоску.

Песочные часы — сосуд безгрешный
И вся его пустина — горсть песку!
С ног на голову — вот и вся злата.
Часы нуды, дуэль! Клева блонная!
А клева мерцающая свобода!
Что это было, сон или мрак —

Верблюды и барзаны!
Благо-блосныи...
А Мишелькут везут
В Тарзаны,
И Кашушке,
И нязем упадут,
И будут рабы власки...

Идут, идут, идут
Песочные часы.

Борис СОКОЛОВ

Вниз по реке

Незамутненные истоки,
И нескончаема река,
Под небо празднично-высоким

Ее дорога далека.
Прекрасно властное давание
Ее несутельных вод,
И лес в зеркальном отражении,
Не унывая, все пылает.
Тает разливы рыбой лиана,
Волной эскадрильей песок,
И говор медленный былинки,

И сказки ладный говорю.
Но что мне это! Разговоры
И вспомяну друг о том,
Что не возмещит здесь рыбку

не спорю
Не только степь, а ярчонком,
Река, которой нет млеве
[Здесь жизнь моя истоки берет],
Ждет помянувший, но млевет,
Фавартер ут совсем не тот.
Вода возмстит жывая

Для всех моих разлук и встреч,
Все человеку отдавая,
Себя не жалеет уберечь.
И по-другому, по-другому
Смотрю на эти берега,
Вы помыши — Онуевый омут,
Стерпящий пережат, река!
Сейчас сойдя с я порохова,
Пойду ругаться и ругать...
Но, как всегда, спойтея воды
И дальний берег не видеть.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Тыщит Август корзины плодов.
Потом залиты круглые щелы.
В парне добрый десяток пудов,
В нем пульсируют мощные томы.

И рубка разлезлась по швам,
От воды и от солнца свиннала.
Треплеть амь-чика по волосам
Он рунцеюю короткопалой.

Посмотрите, как эта гора,
Рычагами согнута своу рукой,
С наслаждением пьет из ведра,
Лыются ругуто за паазу струйки.

Прочь пошел, отдышавшись вдов.
Долго видно широкую спину
Оттого, что с деревей листва
Облетает уже наполноюу.

Река быстра и холодна,
Богата родниками,
Пресмыкается до дна,
Пересобирает камни.

И, как мольба земли, свила
Над богом воли отвисла,
Вода кипит белым-бела,
Ей в горловине тесно.

К промозгой синеве небес
Посыпавшим для разбора,
Цепляясь, уловный лес
Карабается в гору.

Где некогда сплужил пророк
Посыпавшим для дурной,
Легко вознесся дымок
Над тенью соломоуручей.

Нева... На изгибе берега
Великолепные строения.
Я в том осеннем настроении,
Когда от всяких дел яв бегаю.
По Летнему саду саду,
Лысту ошащую толчу.
На черную главу ограду,
Стыха забытые шепчу.

Стоял в строю на левом фланге,
Вне очереди шел в наряд,
И, бравым будучи куратором,
Тогда значенье придал
Нашишкам возмущенным кантам,
Но Канту: я его не знавал.
Неопитных и юных лет
Где отыщу теперь я след!

Тут мрамор, взгляд куда ни юнь,
Богов античных и божищ.
Вот косым мрачного Сатурна,
Бог Времени, родитель дней,
Играя мышцею скульптурной,
Съедает собственных детей.
Мне чудится застывший крик,
Уж больно страшен тот старик.

...Я жил когда-то на Фонтане,
То было моею лют забавою.

Пусты осенние пространства.
Дуля с иржушкою идет,
В которой кончился завод.
Ничто не знает постовиста.
Бог Времени, родитель дней
Съедает собственных детей...

А что есть время! Почему
Его кому-то не хватает!
Оно, как снег в ладонях, тает...
И не поддается никому.

В гору

За Марь Васильеву
Не пропадишь —
По всей Лосиной
Ее молоденька!
Потерала брата
Она на войне.
Она Будет рада
Тебе и мне...
На хочот дочка
Мать в ОЗУ,
«Вот чудачка! —
Ее называю»
Тогда в музыкаль,
Но там, замкнута,
Надо завету
— Особую иметь:
В музыкальной школе
Все перешибет
Завла канфином
И старинных нот.
Повидаем Левку,
Нашего комбата,
Вместе в нулеву
Бегати когда-то,
Вместе замовали
В лес гурьбой,
Вместе ухаживали
За тобой...

Такой был тихий —
Человек Пысков,
А в Книгу бутылкой
Танк подвигет.
Чокни-гынок!
Чую войну с боями,
А потом детиском
Учил на балне,
Не терял мужества,
Части не ронял,
Все его искусство —
Казенный роля,
Банка с беомонд,
И папка «мызюна»,
На палец Белогоз —
Хороший мужик!
«Лешка! Ты геней!
Дей обинука —
За рюмкой боемной
Говорю ему.
Он на пенсик,
Хоть и не стар,
Зарабатал песням
Один явтар.
Он любит свой приговод
У вельды-хозяиню,
По нему приगत
Ногты козьям...
Прихожу от него

Домой,
А чередука —
Боже мой!
Если б вы видели,
Как дая мужика
Ее умывали,
На дно мусха,
А дво старух
В ложах бройей
Маленьких ругей
Выламывали ей...
Прошла весна,
Обернуло лето,
А она с той поры
Калек...
А сколько чермух
С такой судьбой,
Удочеренных
Найм с тобой!
Смажут: «Делать нечего!
Опять натхика!»
А на земле есть девочка,
Ее зовут Натхика.
Она из дома выйдет
На улице Пастуной,
И у HOTEL бы выдет
Ее печалью...

Майский денек

Солнышко, солнышко!
По твоей вине
Бузина, как Золушка,
принялась мие,

Простота святая
с вонной босой —
убралась цветалом,
умылась росой.

Обошла туфельку
на первый май —
потельца в тельнику,
хоть и не синий!

Едет к ней свататься
майский денек.
Ваше сиятельство,
вы — одинчик!

Вам тоже надо
итриги и дули,
масы приворные,
ласки приторные!

Слушайте, плюньте-ка!
Побежим с холма,

где на дощце лютика
дремлет Холмова.

Опосенимся горстью
песной воды,
усталости с горстью
своем следи.

Вам нету двенадцати
по стрелкам бройей,
Вы нашей династи,
рабочник кровей!

Когда вас укралки
был май сосунок
и в прятки играли
с сестричкой Суок.

Во время прислено,
настал черед...
Солнце —
рынок Проперо —
поднимает народ.

Кремль в Сызрани

Он меня обрadowал кадали,
И в шале одному аниалка,
Как парня над умней Сызрани
Благодарный профиль Кремля.
Очень просто и очень истово,
Так, что кончатся — каждый шаг.
Отрицанием неба агитство
Ясно-белым всплывает теремок.
Ах, каким надо добрым и целостным
И заале своей верным быть,
Что умело, без лояной умелости
В камне душу свою воплотил!
Кремль — земля нашей крепость
и искусство,
Что-то взвишней в порыве от птиц,
Пред лобым иноземным оружием
Он не прятал своих бойник.
Видел много, слышал много,
Видел каменная крепка,
Путь и с удалю и с тревогою
Он вобрал в себя на века.
И народу понятий издревле,
Близкий в радости и тоске.
Он в Казани, Занзи, Сызрани,
В нашем стольном граде — Москве...
Ветер с Волги летит порывистый,
Чутько слушает турко земля,
И над берегом над обрымятым
Благодарный профиль Кремля.

К вопросу о

традиционности

Великий смысл в традиционности
Традиционен этот лес,
И небо со своей бездонностью,
И гор пугающей степес.
Традиционно хлеб растет,
И гурша солнцем начиняется.
Да сии-хро-фа-зо-трои, и тот
«С нуля, как козы, начиняется!
А свет любимых женских глаз!
И то, что моды изменяются,
Традициан объясняется,
Как над доказаво себас.
Традиционен этот храм
С его воздушно конструкцией.
Традиционно Революцию
Нам отмечать по ноябром.
Какой бы скоростей нашестве
Ни удивляло наш дин...
Стрелачные быстро путошествовать
Традиционен истокон,
И мне сегодня ясно видится,
И не могу о том молчать:
Уж если нарушат традициан,
Затем, что новые начать.

Утренняя электрички

Позолоченные рельсы,
Затопте проводы,
Эти утренние рейсы
Не забуду никогда.
Тихо вздрогнет электричка,
Удлинная, замкнет.
Не на «гвоздиках» — на спичках
Чудо-лоздуха идет.
Только чиркнет по перрону —
И влюбляется перрон,
Только чиркнет по вагону —
И влюбляется вагон —
И ясно уелась с юнником.
Всем законам вопреки —
Эта стрижка «лод мальчишину»
И безпомощности руги.

Я признаю, ю, конечно,
За недолгий этот путь
На нее сто раз, не меньше,
Я успел тайком взглянуть.
Да и ридом, вину, лица
Улыбаются вразброд.
А ведь это металлсика,
Крепкий, знатен, народ.
Назирая на столончик,
Поклонной «младрице» ве,
Каждый видел очее лично
Очее личное свое.
Каждый знает: под черной
челкой,
Как бы модной ни была,
Прост русская девонка
Из приволжского села.

експир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула беззубая улыбка.

— Почтитою себя счастливым, — сказал он, — что судьба свела меня со столь веселыми молодцами.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщила Ол. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Ол. — Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь... — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Хераоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответила Ол. — Мы уж потерялись.

— Я сорвался с поводка, — сказала Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнула Максвелл. — Еще был Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

Продолжение. Начало в «Смена» №№ 16—22.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

«СМЕНА»

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
специальный корреспондент
«Смены»

В грампланику с таким названием впрессованы мелодии, звучание на Фестивале рабочей песни в ФГГ.

Но как рассказать о песне, которуюлева молодёжь переняла у тельмановских колонии двадцатых годов и перенесла на улицы и в концертные залы сегодняшней Западной Германии? Как передать тот нервный импульс, которым пронизывает аудиторию «Песня о солидарности», написанная Вервольфом Бреттом и Хансом Эсклером еще в 1931 году, пелая Эрнстом Бушем на выжженных бомбами и солнцем полях Испании, а сегодня звучащая под гитару Фазис Янсен? Как воссоздать безудержный ритм музыкального скета, который разглагольствует прямо на ходу, во время демонстрации, dossier'овской плавной анимации «Бонд», открыто именующий себя «антиторпом» и вместо галлетовского раздумья «Неладно что-то в королевстве латинском безжалостно бросающий слушателям: «Вонет что-то в стране у нас!»

Мелодия алого цвета официально нововелась так: Конгресс солидарности молодежи против эксплуатации, угнетения и войны. Для участия в нем наша маленькая делегация (первый секретарь ЦК ЛКСМ Латвии Вилинс Бренис и автор этих строк) сентябрьским днем нынешнего года прилетела в Бремен.

Из вороха проспектов на информационном стенде в аэропорту я выбирал книжину с заголовком «Что предлагает Бремен в сентябре». Горюд гриммовских музыкантов обещают обширную программу гостей: «...конгрессы и конференции соберут известных деятелей в Бремен, и в первую среди них следует назвать провозглашеного германского гостя» — Куртот Георгия Кинзингера, а также руководителя Христианско-социально-го союза Франц Йозеф Штраус...» Брошюра перечисляет всемирную встречу любителей музыки, 19-й чемпионат федерации ската (немецкий вариант преферанса), соревнования по гребле и футболу. О молодежи Конгресс солидарности — ни слова.

— Они логичны... — зло усмехается Вольфганг — Бременские власти отказываются сдать нам Конгрессную городскую сц «Штадтхалле» и тут же предоставили его для выступления Штраусу!

Вольфганг Герке — заместитель председателя федерального правления Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ). По дороге в гостиницу он рассказывает о подготовке и программе Конгресса, который проводится в рамках всемирной кампании ФФДИ «Юность обличает империализм». А на ветровое стекло машины напыляет огромный печальный лист, второй, третий, четвертый — приклеивный к штору возле парковки, упрямленный на стене дома, на эфирной тумбе, на фонерном столбе. «СОЛИДАРНОСТЬ...», «СОЛИДАРНОСТЬ...», «СОЛИДАРНОСТЬ...» (Вольфганг дает нам такой же плакат, чтобы прочесть весь текст) — «...с народами Индонезии», «...с Анджелой Дикси и другими демократками, брошенными в тюрьмы», «...с Борьбой молодежи против власти монополий»

Чем ближе городской центр, тем реже видны зеленые скверики, тем громче вой автомобильного стада, которое мчится по эстакадам, нетерпеливо вздрагивая у светофоров, пасется возле бензоколонки. В основном облик Бремена особый штрих (им приехали за месяц до избрания нового ландтага, и предвыборная кампания была в полном разгаре). Фенди — слова «зеленые столбы» различных партий, едва ли не на каждом — агитационный плакат. Вернем мы выходим из отеля на прилегающую площадь, где находится круговорот предвыборного соперничества.

Портрет рабочего в красной строительной кепке, надпись: «ГКП — против монополистического капитала, а в первую дальше — еще один лозунг коммунистов: «Поддадим капитализму красного перду!»; еще одно изображение рабочего и обещание: «Твое рабочее место — за тобой! Мы, социал-демократы, позаботимся об этом»; «СДП — против социалистических экспериментов! Крепите партийный центр!» — союзники социал-демократов в правящей коалиции открещиваются не только от красного, но даже от розового цвета; группа оптимистичных господ на фоне восходящего солнца уверяет в своей «последовательности и «искренности цели»; «СДП — против социализма», правящая в Западной Германии два десятилетия и «Создать рабочие райды!» — даже не будь рядом с этим железным лозунгом-приказом трех букв — НДП, все равно было бы ясно, кто это...

Предвыборная деятельность Гер-

манской коммунистической партии, разумеется, не только в плакатной свистке. Поскольку коммунистам Бремена было отказано в найме городской залы для собраний, они соорудили на площади Бюргергаде огромную (по числу квадратных метров) палатку, где была проведена «информационная неделя ГКП», где выступили перед избирателями председатель правления партии Курт Бехман и главный кандидат коммунистов на выборах в бременский ландтаг Херман Гаутр. Это же палатку коммунисты предоставили своим молодым товарищам — членам СНРМ и студентам-спартаковцам — для проведения Конгресса солидарности.

МЯСКО ГОРОХОВОГО СУПА

Азим — руководитель отдела по зарубежным связям в федеральном правлении СНРМ. Так сказать, нерком иностранных дел. Посему он в строгом костюме, в белой рубашке и при галстуке. И пунктуальность его удивительна даже на фоне всеобщей немецкой пунктуальности.

Заботу у Азима тоже хватает. Помимо советской делегации, он должен опекать гостей из Болгарии, Польши, Чехословакии, ГДР и особо покровительную делегацию патристов Юнионго Вьетнама (кожовьетнамские товарищи впервые получили звездные знаки от западногерманских властей, и Азим знает: возможны провокационные прерывы).

Под руководством товарища неркомы все мы солидным утром 11 сентября шествуем в той самой знаменитой палатке на 2500 мест, о которой столько слышаны. У входа толпа молодежи толпа влпх знамен. У входа толпа объявлена через мегафон и маршевые ритмы немецких рабочих песен. У входа ужасно серьезные девушки, стрижённая под мальчишья, и длинноволосый парень, проверяющий билеты у делегатов и гостей.

В палатке бесконечные ряды столов, толпы, красочная смена с трибуной, лозунги солидарности, о которых я уже говорил. Жарко и душно. «Книшени» — там, а «Галлхалле», «Штраус» — здесь, «Штраус» — «Ничего!» — говорим мы «наркомом» Штраусу здесь придется жарко! Касая, я попытаюсь переписать ствол от принудить, сколько примерно человек сидело за каждым. В среднем деле, не меньше двух с половиной тысяч!

Это были не только делегаты СНРМ и «Спартак». Это были Молодые социалисты и Молодые демократы (члены молодежных организаций СДПГ и СДП), принимающие, однако, участие в Конгрессе как индивидуальные лица, ибо их партии наложили запрет на официальное контакта с коммунистами и комсомольцами; это были представители союза «Молодые друзья природы» и социал-демократического Студенческого союза, делегаты профсоюзной молодежи и профессиональных училищ, прогрессивных организаций в бундесвере и левых сил в Федеральном круге молодежи ФГГ. Полный список участников Конгресса и соучастовавших ему занял бы всю эту страницу... Я объявлю список, чтобы расшифровать псевдонимичную запись в своем Блокноте № 100 — Д. Гаутр — протест против Ш. — «Штраус — raus!» — «Спасибо ГКП! ГКП! Гит — прив, телегр, из ВНР, ИМ, Австрия, Бел, Финн, Ит — 2 глав. докл.»

В общем, это не такая уж сложная критикограмма. В 11 часов Дитер Гаутр, председатель бременского правления СНРМ, один из молодежных кандидатов ГКП на выборах в ландтаг (и, кстати, сын Ш. Гаутра, о котором говорилось раньше), открыл Конгресс. В ответ на брошенный с трибуны протест против выступления правящих в Бремене вся гигантская палатка расшифровала: «Штраус — вон!» — а затем столь же дружно выражала благодарность компартии, предоставившей помещение для Конгресса. После заветных приветствий от зарубежных комсомольцев, на представленных делегатами, с двадцатиминутными докладами выступили зампред СНРМ Вольфганг Герке и зампред «Спартак» Юрген Бешлер. Не буду пересказывать содержание этих рефератов, суть которых — в названии самого Конгресса. К тому же детальное обсуждение темы шло после полудня в четырех рабочих группах: 1. Монополистический капитал — враг молодежи, 2. «За мир и разоружение» за европейскую безопасность, против правых сил и фашизма», 3. «Военная, военная индустрия и бундесвера», 4. «Неоколониализм» национально-освободительные движения».

Но перед тем как разлетаться в этих четырех направлениях, делегаты ствол получили обед в палатке на Бюргергаде, пластмассовую миску, полную горячего горохового супа. В 1918-м голодная Советская рес-

Arbeitertage Kontra

SDAJ
POP-FEST

FOR THE SUPPORT
OF THE
DEFENSE OF THE VENTRICE
CONGRESS AND ASSOCIATE

публика отправила восставшему германскому пролетариату поезд с хлебом, где был вагон черных сухарей. И когда я склонился над своей гороховой похлебкой, у меня, право, перехватило горло, потому что я понял: в 1971-м эти 2 500 мисок достались немцам товарищам не легче, чем нашей революции вагон черствые осмьюшек 53 года назад...

ДЕЛО БЕРЙТОРА ХОЛЬГЕРА КРУЛЛА

И снова все собирается в палаточном зале Конгресса. Еще есть немного времени, и я подсаживаюсь к трем делегатам в военной форме (както не ласково назвать их «бундесверовцами» — ведь комсомольцы же!).

— Расстелите мне, кто там Хольгер Крулла, о котором говорят на Конгрессе.

Один из парней, самый лохматый, вытаскивает из папки плакатов и листовок, на которой он восседает, тонкую брошюру. Читаю: «Дело Хольгера Крулла. Документация СИРМ». Ую, даю, с этим я потом разберусь. А пока что, в нем суть работы СИРМ в армии? Насколько вообще возможна такая работа?

— Ты зачини, товарищ, дату — 10 мая 1970 года. Она не случайная. К 25-й годовщине разгрома фашистского германского 13 солдат Бундесвера,

парни левых взглядов, хотя и не все члены СИРМ, выпустили журнал «Солдат'70». Борьбу устраивается удобнее на своей папке плакатов. — Главная идея была такова: полки в казарму, молодой рабочий не должен забывать, к какому классу он принадлежит. А конкретные требования — немедленно распустили НДП, удалит из армии всех наци, молодых и старых, выгнать из солдатских читален фашистскую литературу, запретить равнинские песни в казармах. «Солдат'70» спрашивал: почему наместник дозволено выступать в военной форме на сборниках НДП или, наоборот, на встречах «кавалеров рыцарского креста», а демократически настроенные солдаты за появление в униформе на демонстрации в защиту мира грозят «яма!».

— Яма! — это, по-нашему, карцер... — улыбаются бордатый сосед Борсдак. — Военный министр Хельмут Шиндт прочел журнал, изложил желание встретиться с его редактором, но покуда он собрался, их всех посадили под арест. Особенно туго пришлось рядовому Дну Рошману. Он заместитель председателя СИРМ в Биле, выступил там на конгрессе «Рабочие молодцы против коршунов напалма», рассказывая, что на митинге верфи «Хельб» строят подводные лодки для греческих «черных полиowników». Только только Ян отсиел в «яме» за это выступление, как его снова туда же, за «Солдат'70».

— Чем же кончилась история с журналом?

Она не кончилась. Продолжалась. Стали регулярно выходить два

больших издания для солдат, не считая фоллетей.

Мне дают дотруминаскую газету «Линкс Уми» (это значит «налево») и гамбургскую «Фролт ола» («Вперед»). Да, дело поставлено солидно, особенно в Дортмунде: веленойная печать в две краски; письма в радиоцех на казарме; большой репортаж о том, как митингуют дортмундского завода фирмы «Хель» вывозили из казармы солдата Рудигера Рагула, повешавшего туда за участие в прерванной демонстрации; статьи об Андрее Динце, о маршах американских ветеранов на Вашингтон; песни «Солдаты» («Две стороны у баррикад. По какому же ты, солдат?»; комментарии о «деле» ефрейтора Хольгера Крулла.

... что ж, спасибо, парни. Теперь можно заняться брошюрой «Документация».

Первые 13 страниц мельчайшего машинного текста — фотокония обвинительного заключения записанного Хольгера Крулла, военным трибуналом в Карлсруэ 30 июля сего года. Но боем мой, разве разобраться в этом кричуществе, которое возведено в злую статью усердием бундесверовского манифестриста! Я усилю vanno палача по нем плотно сложенными словам, добавив себя и существительные, и прилагательные, и глаголы: «аусгангсбаршунг» («временное решение уловенно-тенаных»), «ауфриинфингсфальдиг» («попозные действия»), «дисциплинарвердербейсидиг» («заключение о дисциплинарном нарушении»). Догадываюсь до конца фразы-абзаца, и

ПЛАКАТ СИРМ ГНЕВЕН И НЕПРИМРИМ: «РАВОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ АКУЛ ВООРУЖЕНИЯ».

КОНГРЕСС СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ ОТКРЫТ О ИМЕНИ СТУДЕНТОВ-СПАРТАКОВЦЕВ ГОРБУНАТ ЮРГЕН БОШЕР.

понимаю, что ве начале уже приобрело для меня прелесть нозины. Сербослава трюция в униформе помогал мне выработать из «ямы»... Итам, суть дела Хольгера Крулла — 21 год. Родился в семье эссенского шхтера. Еще шлономини в Биле-дессауене. СИРМ, недавно стал членом ГИП. Проходит военную службу в парашютных частях в Биле-дессауене. «Совершил уже более дюжины нарушений воинского устава, открыто проявляя свои политические воззрения» (это я цитирую протокол обвинения) распространял среди солдат газету «Линкс Уми», листовки против нацистов в бундесвере. «Будучи являлся (опять цитата), участвовал 03.1971 в Гамбурге в коммунистической демонстрации, провозглашал лозунги против американского протеста и прошения СССР и ГДР», находился в умышленной, раздал на улицах листовки с требованием скорейшей ратификации договоров с СССР и ГДР.

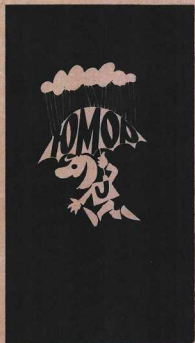
Командир 6-го парашютного батальона «истратия против стропниного ефрейтора» весь залек казанной и передал дело в военный трибунал. Хольгер Крулла опять последний, уже негоден. А он ухитрился прислать плакатки в Биле-дессау Конгрессу солидарности: «И толстые стены ледяного киарера не давят мне стелю, не давят мне стелю. И свобода и солидарность — с вами, делегаты и гости Конгресса!».

Эту записку читали с трибуны, и назло, поглотившая черная тьма, маяется парусом от единого смандирова духа с половинной тысяи головок «Сайбау Хольгер Крулла». А потом стало известно, что возле казармы виле-дессауены идет единажды демонстрация — оиюю пилист члелюи, что она требует свободы Хольгера Крулла и что и вернем казарму подошли танки. Тогда загремели падающие стулья. И, кто-то уже вскопана на стол, взмахнул ираскнны флагом, и вслед за ним, знаменетом (два девчоночьих и три мальчишеских голоса, гитара да бубен) зал запел: «Братцы, и свобода и солцу!» — залел на мелодию, которую я видел в 1968 году в 1-м классе русского оригинала:

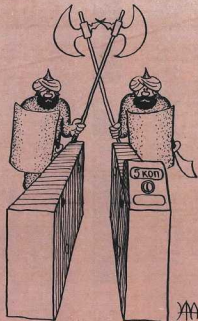
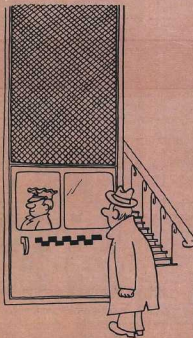
... вольно, вольно, союз и свобода — вот наш девиз боевой!

ПОТОМУ ЧТО РАБОЧИЙ ТЫ САМА!

...Из душоного, накруенного тепла палаточного зала — в ночной озноб, тут строшайся колонны. И греск алы знамен на ветру и шипения фелю. Милый Ахил беспокоится, потому что товарищам не растерялись

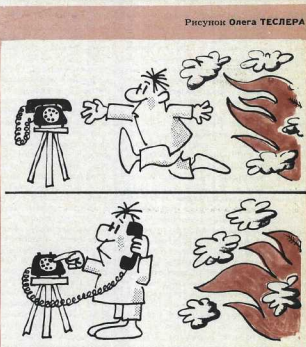
Рисунот Владимира ТИЛЬМАНА

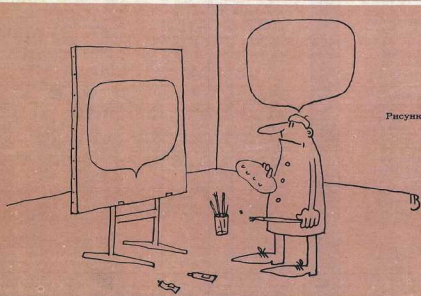
Рисунот Эрика АЛЕКСЕЕВА

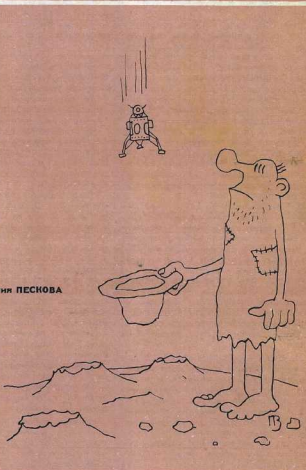
Рисунот Антона НЕПРАСОВА

Рисунот Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Виталия ПЕСНОВА

О ЧЕМ ПЛАЧЕТ ВЬЮГА

За оном о чем-то плачет вьюга, вьюга, вьюга...
Вьюги любят плакать по ночам.
Мы с тобой сказали все друг другу, другу, другу...
Только лучше было бы молчать.
Только лучше было бы молчать.

Не смотри в глаза мне с грустью нежной, нежной,
нежной...

Наша нежность стала, как печаль.
Если нет того, что было прежде, прежде...
Значит, песне больше не звучать.
Нашей песне больше не звучать.

Не всегда любовь приносит радость, радость,
радость...

Ты судьбу за это не кланя.
Будут звезды мимо сердца падать, падать,
падать...

Будут встречи гаснуть, как оми,
Наши встречи гаснут, как оми...
За оном о чем-то плачет вьюга, вьюга, вьюга...
Вьюги любят плавать по ночам.
Может, легче все сказать друг другу, другу,
другу...

Чем об этом думать и молчать.
Чем об этом думать и молчать.

Г. КРЕМЛО.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для вокала и фортепиано, а также текст песни.

Музыкальная партитура для фортепиано. Включает ноты для фортепиано и текст песни.

КРОССВОРД

Составил В. БЕВЕДЕ, г. Троицк, Челябинской обл.

По горизонтали:

- Советский поэт.
- Ворное пространство.
- Аппарат для преобразования напряжения переменного тока.
- Юный партизан-разведчик. Герой Советского Союза.
- Специалист сельского хозяйства.
- Древнее растение пустынь Средней Азии.
- Расположенность и определенная деятельность.
- Русский художник-портретист XIX века.
- Старинная русская монета.
- Музыкант, подолжский гитарист.
- Город в Минской области.
- Роман М. Шагинин.
- Народный художник СССР.
- Северное созвездие.

По вертикали:

- Столица союзной советской республики.
- Спортивный, участвующий в зимнем двоеборье.
- Одно из Великих озер в Северной Америке.
- Ученый-энергетик, возглавлявший комиссию ГОЭЛРО.
- Легкоатлет.
- Порт на острове Крит.
- Струнный музыкальный инструмент.
- Птица, обитающая на лугах.
- Звание для кратковременного прозвища.
- Однородная жидкая смесь.
- Центр национального округа в Красноярском крае.
- Советский композитор.
- Операн Г. И. Майборды.
- Врач.

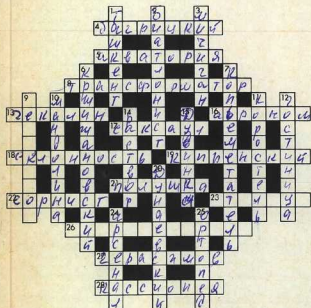
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 22

По горизонтали:

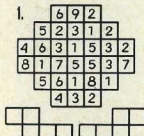
- Лауреат.
- Турне.
- Устой.
- Сержант.
- Юли-тер.
- Ригель.
- Удоч.
- Агломерат.
- Буфетчик.
- Астра.
- Таллин.
- Мичман.
- Наступия.
- Театр.
- Нигуа.
- Импульт.

По вертикали:

- Караганда.
- Клевер.
- Шугер.
- Сутин.
- Потье.
- Сербитин.
- Сам-метри.
- Паллада.
- Лисичка.
- Тага.
- Курпа.
- Структура.
- Ломех.
- Натрий.
- Миммет.
- Манус.

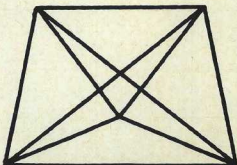

5
НА ДАЭ
МЫШЛЕ
НИЕ

Разделить фигуру на части по образцу, указанному ниже. В каждой части сумма цифр должна быть равна 20.

2. Сколько треугольников в этой фигуре?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧ «СМЕНИ» № 22

СТО И ОДИН ВАРИАНТ ПЕЛЕРИНЫ — ЗИМО
ЭТО УДОБНО, НАРЯДНО, ТЕПЛО.

ЭЛЕМЕНТЫ НАРОДНОГО КОСТЮМА НЕ
ДАТЬ ЭТНОГРАФИИ, А ПРИМЕТА СТИЛЯ-72.

МОДА СДЕЛАЛА СВОЙ ВЫБОР: ДЛИНА —
ПО КОЛЕНУ!

Зима-71-72

Со стр. 22.

значительнее вырез пиджака. Поэтому внимание моды обращено к деталям: к яркому вязаному или шерстяному жакету, к рубашке томо ярких колоритов, розовато-золотистых цветов.

Галстук стал играть еще более заметную роль: широкий, завязанный большим узлом. Кстати, крой его так несложен, чтошить новинку может и сам молодой человек!

Снова в моде комбинированные костюмы: темный верх — более светлые брюки. Сочетание двух фактур (пестроткань и гладкая шерсть), двух цветов придает мужскому костюму звучность и живость.

...Когда номер журнала выйдет из печати, проблема народного туалета для молодого бала будет занимать многие умы. Художники Общесоюзного Дома моделей одежды — Елена Стернигова и Галина Гагарина, Аня Трофимкина и Лена Телегина — позаботились о хорошем настроении миллионов девушек, создав большую коллекцию нарядных платьев — притягивающего силуэта, с широкими, расклешенными юбками, модным длинным рукавом, нарядными шарфами.

Праздничный вечер — это летящие ткани, шелк, шифон, шелков, хлопчатобумажного маризета, туали.

Это ярко расцветит, звонкие, сочные краски синего, золотисто-оранжевого, зеленого цвета. Это широкие полотнища юбок [возможно, и длинные, до пола], мягкие линии драпировок, широкие пояса на притянутых платьях.

Впрочем, нарядным ансамблем для бала может быть не только платье: художники предлагают молодым девушкам бронежные ансамбли из плотных шелков, с длинной туникой или блузой из легкой ткани — на манер старинной рубашки. Наделяют такую блузу поверх брюк, перепоясывая длинным кушаком или металлическим пояском... Снова в моде нарядное «калалыкское» платье, украшенное вышивкой, кружевом, декоративным кулоном.

Остается добавить, что юноше в новогодний вечер не придется довольствоваться хоть и модным, но повседневным костюмом или свитром: художники Александр Иглицкий и Сергей Хейбер предложили несколько элегантных вариантов вечернего наряда из шерстяных тканей сложных коричневато-вишневых и синих тонов, а также из синтетических неумирающих шелков. Мужской костюм дополняют туфли из нарядного лака — их начинают выпускать московская фабрика «дальний обитан» № 3. Цвет! Черный или очень темно-красный.

Итак, в любой из деталей, в самом мелком из штрихов моды определяется свой курс: спортивность стиля, молодость образа.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820.